

Алексей Чикишев

Спецназ в Афганистане

Изменения состава спецназа во время афганской войны:

1980 год: одна рота дислоцировалась в Кабуле. Численность - 70 чел.

1981-83 гг.: Два дополнительных батальона дислоцировались в Айбаке, затем в Джелалабаде (в феврале 1984 г.), в Мэймене, в Рухе (Панджшер) в 1982 г., затем в Газни - до 1988 г. Всего на то время - 870 чел.

1984-85 гг.: Шесть очередных батальонов дислоцировались в Асадабаде, в Бараки, в Чахджоу, в Лашкаргахе, в Кандагаре и Фарахе.

Всего на то время - примерно 3 870 чел. Эти войска были распределены на две бригады, каждая из которых состояла из четырех батальонов: так называемая 20-я мотострелковая бригада, штаб которой находился в Лашкаргахе (1-й батальон в Асадабаде, 2-й в Джелалабаде, 3-й в Газни, 4-й в Бараки); и так называемая 150-я мотострелковая бригада, штаб которой находился в Джелалабаде (1-й батальон располагался в Чахджоу, 2-й в Кандагаре, 3-й в Лашкаргахе, 4-й в Фарахе).

Вывод войск: май - июнь 1988 г.

Все батальоны выведены в Советский Союз, за исключением батальона г. Газни, который передислоцировался в Кабул, и батальона из Чахджоу. Февраль 1989 г.: Два последних батальона выведены из Афганистана.

Спецназ в Афганистане

Глава 1. Дебют в декабре.

Без документов, без имен, без наций
Лежим вокруг сожженного дворца.

Разлука тоже будет без конца.
В. Верстаков.

Кабул. Апрель 1979 года. Прошел ровно год после апрельского переворота, но от праздничной эйфории, охватившей афганцев поначалу, не осталось и следа. Вместе с эйфорией исчезли надежды на скорое построение "социалистического строя" и наступление "эры справедливости, равноправия и всеобщего счастья". Ровно за один год правящая партия - НДПА, привела страну к гражданской войне, хаосу в экономике и финансах. Тараки и Амин, руководившие партией, были близки к панике, ибо армия, которая привела их к власти и которая до недавних пор считалась главной опорой режима, разваливалась на глазах. В марте правительственные войска с трудом сумели подавить мятеж в Герате - пришлось применять артиллерию и авиацию, залив город кровью. Впереди было лето, на которое придется вспышки новых мятежей в Кабуле и Джелалабаде. Восстанут воинские части. Из армии по политическим мотивам будут уволены тысячи офицеров, среди них и те, кто обеспечил успех переворота. Дезертирующие солдаты снабжают оружием оппозицию, справиться с которой правительство не в состоянии. К осени 1979 года вооруженные отряды моджахедов будут действовать в 25 из 28 провинций Афганистана.

В самой НДПА дела обстояли не лучшим образом. Короткий период сотрудничества между ее группировками "Хальк" и "Парчам", имевший место перед переворотом, закончился месяц спустя после прихода к власти афганских марксистов. Халькисты, считавшие "революцию" делом своих рук, не были намерены терпеть опасных конкурентов с Бабраком Кармалем во главе. Уже летом 1978 года парчамисты были разгромлены, а их лидеры, Кармаль в том числе, высланы из страны. Однако, борьба за власть продолжалась с неослабевающим упорством. На этот раз между собой схватились лидеры "Халька" - "великий вождь и учитель" Нур Мохаммад Тараки и его "преданный ученик" Хафизула Амин.

Интриги и заговоры, организуемые вчерашними союзниками, сопровождаются небывалыми по масштабу чистками и репрессиями. Под лозунгами построения нового общества и борьбы с контрреволюцией служба безопасности нового режима терроризирует население. В одни ямы сваливаются трупы бывших членов НДПА, чиновников, феодалов, простых крестьян и учителей. О размахе террора красноречиво свидетельствует факт, что только в Кабульской тюрьме Пули-Чархи к декабрю 1979 года было уничтожено 12 тысяч человек. Традиционная азиатская жестокость, помноженная на марксистскую теорию, дала выдающийся в своем роде результат на афганской земле.

И Амин, и Тараки прекрасно осознавали, что сидят на вулкане, готовом вот-вот извергнуться. Наряду с публичными заявлениями, что Афганистан в состоянии защитить себя от внешних и внутренних врагов, не прибегая к иностранной помощи, оба настойчиво просили Брежнева увеличить военную поддержку. Речь шла в основном о поставках военной техники, боеприпасов и об увеличении количества специалистов и советников в афганской армии. Естественно, эти просьбы ни в советской, ни в афганской печати не публиковались. Одновременно афганские вожди прилагали большие усилия по обеспечению личной безопасности, опасаясь в первую очередь не наступления оппозиции, а внутривластных интриг.

степени, что отныне каждый из них чувствовал себя уверенно, лишь зная, что за спиной у него вооруженная сила, лично преданная ему. Амин заранее просчитал свои шаги в борьбе за власть и сумел к лету обеспечить себе поддержку в армии и службе безопасности, расставив там верных людей.

Позиции Тараки были значительно слабее, но он возлагал немалые надежды на свой авторитет "лидера и вождя апрельской революции". Чтобы максимально обезопасить свою жизнь, Тараки и в этом вопросе обратился к "могучему северному соседу". Его просьба нашла понимание, и в Союзе начинается формирование батальона для выполнения особой миссии по охране "первого афганского марксиста".

Батальон создавался в условиях строгой секретности, и Амин, отдавая некоторое время спустя приказ уничтожить арестованного Тараки, не ведал, что проигравший оппонент уже заложил под него мощную бомбу с часовым механизмом. Расчет Тараки был прост - пока его охраняет советский персонал, Амин от открытого нападения воздержится. Амин не посмеет сместить его, опасаясь негативной реакции в Кремле. Поступки Тараки не соответствуют широко распространенным легендам о его беспечности, добродушии и ограниченности. В действительности он был достаточно расчетливым, хитрым политиком и не упускал возможности столкнуть Амина с советскими представителями в Кабуле, сражаясь за власть. Не раскрывая своих замыслов, Тараки попросил Пузанова, тогдашнего советского посла в Афганистане, пригласить Амина в резиденцию "первого афганского марксиста" якобы с целью примирения. Гарантом искренности слов Тараки для Амина должно было послужить участие советского посла в предполагавшейся встрече. Пузанов, ничего не подозревая, помог генсеку заманить Амина в ловушку. Едва тот с охраной вступил во дворец Тараки, по нему был открыт шквальный огонь из автоматического оружия. Его охрана была почти вся перебита, но сам Амин скрылся. Тараки спешил разделаться со своим честолюбивым учеником. Он отважился на этот решительный шаг, не дожидаясь формируемого в Союзе батальона, ибо быстро меняющаяся в пользу Амина ситуация могла стоить ему жизни.

Чудом уцелевший и не потерявший присутствия духа, энергичный Амин без промедления, мобилизовав свои силы, окружил резиденцию Тараки и арестовал ее хозяина. На следующий день Пузанов, получив из Москвы инструкции, как ему действовать в столь непростой обстановке, вызвал к себе Амина. Их встреча, состоявшаяся утром 15 сентября 1979 года в советском посольстве, окончилась безрезультатно, так как Амин категорически отказался освободить Тараки.

Тем временем в Союзе по всем частям спецназначения велся отбор кандидатов для укомплектования создающегося батальона. Машина была запущена, и даже смещение Тараки со всех постов не смогло остановить ее ход. Разумеется, военнослужащим, отобранным не только из частей спецназа, но и из ВДВ, никто не объяснял характер их будущей миссии. Им даже не назвали страну, в которой придется нести службу. И лишь по некоторым деталям самого процесса формирования части можно было догадаться о том, что их отправят куда-то на юг. Ни сами кандидаты, ни те, кто отбирал их и отдавал приказ о создании батальона, не ведали, какую роль сыграет это подразделение 27 декабря 1979 года.

О необычной задаче будущего батальона свидетельствовал национальный

Закавказья. Только в виде исключения в него попало небольшое количество славян и жителей других регионов страны. Именно поэтому в устной версии событий той декабрьской ночи батальон спецназа вошел в историю под названием "мусульманского батальона".

В конце сентября и октябре в Афганистане произошло немало событий, повлиявших на дальнейшую судьбу батальона. По приказу Амина 8 октября 1979 года был задушен Тараки. Тем временем политическая ситуация в стране ухудшалась с каждым днем. Мятежи следовали один за другим. Нуристан и Хазараджат² объявили о своей независимости от кабульских властей. В эти дни Амин как никогда раньше нуждался в поддержке Союза, но после убийства Тараки между ним и тогдашними советскими руководителями наметилась явная тенденция на разрыв. Попытки Амина наладить отношения с пакистанской администрацией и американцами с целью ослабить давление оппозиции еще больше укрепили подозрения советских лидеров в том, что Амин недостаточно лоялен и послушен им, чересчур независим, непредсказуем в своих действиях.

По всей видимости, окончательно отрицательная позиция в отношении Амина оформилась у советского руководства после 6 октября. В этот день аминовский министр Шах Вали пригласил в свой офис всех послов социалистических стран. Пузанов не приехал. Вместо него на встрече присутствовал представитель ЦК КПСС Сафрончук. Шах Вали обвинил Пузанова в том, что он участвовал в покушении на Амина, так как Амин по его приглашению поехал на встречу с Тараки, и укрыл на территории советского посольства нескольких высокопоставленных сторонников Тараки. Сафрончук не смог отрицать эти обвинения. Пузанову было предложено покинуть страну.

Чтобы спасти промарксистский режим от падения под ударами моджахедов и одновременно убрать с арены неудобного политического лидера, в Кремле приняли решение сделать ставку на другого афганского вождя. Выбор пал на Бабрака Кармалю, отправленного халькистами в свое время послом в Чехословакию. В роли посла он пробыл недолго - покинул посольство и нелегально был переправлен в СССР. Предполагалось, что при советской поддержке Кармаль смог бы вывести НДПА из кризиса, ликвидировать в ней раскол и стабилизировать обстановку в стране. Итак, стараясь не вызывать подозрений у Амина, Кремль приступил к широкомасштабной операции по вторжению в Афганистан и устранению аминовской администрации.

Батальон спецназначения, формирование которого было завершено в сентябре, 9 октября 1979 года прибыл в Афганистан, а 18 октября уже находился в Кабуле, Батальон не был первой советской воинской частью, размещенной в этой стране. С лета на авиабазе Баграм под Кабулом дислоцировался воздушно-десантный батальон, прибывший для охраны эскадрильи военно-транспортной авиации советских ВВС. Нельзя сказать, что появление спецназа в Кабуле осталось незамеченным жителями города и иностранцами, работавшими в столице. И хотя наши военнослужащие были одеты в форму афганской армии, размещены в достаточно тихом районе на юго-западной окраине города у холма Таджбек, их присутствие было зафиксировано западными спецслужбами.

Спецназовцы по прежнему толком не знали, чем им придется заниматься в провинциальной на первый взгляд столице азиатского государства. Батальон жил обычной жизнью: были поставлены палатки, варилась солдатская каша, проводились учебные занятия. Городской шум едва долетал до обитателей,

желтыми, лишенными какой-либо растительности, невысокими горами, а с востока и севера перед ней расстиралось лоскутное одеяло пожелтевших садов, убранных земельных наделов с редкими вкраплениями дувалов под плоскими крышами. На дворе стояла осень, и на крышах сушился знаменитый кишмиш. Над этой сельской идиллией господствовали два дворца европейской архитектуры, сооруженные во времена Амманулы-Хана, который затеял было в 20-х годах нашего столетия строительство нового государственно-административного центра в столичном пригороде.

Впрочем, еще одна любопытная постройка постоянно мозолила глаза прибывшим советским "рейнджерам" - ресторан в виде летающей тарелки, приземлившейся на одной из высоток недалеко от дворца Таджбек. В ночь с 27 на 28 декабря тарелка была посечена пулями и осколками до такой степени, что стала напоминать старое решето, выброшенное в утиль за ненадобностью.

В начале декабря наступил конец проклятой неопределенности, в состоянии которой батальон находился уже больше месяца. Участникам предстоящей акции объявили, что Амин - агент ЦРУ, предающий дело апрельской революции и готовящий государственный переворот, после которого в страну должны войти американцы. Вывод следовал естественный - Амина надо убрать. Политическая подоплека дела мало волновала спецназовцев. Прибывшие люди были в своем большинстве профессионалами, поэтому их больше интересовала техническая сторона "дела".

Командиры будущих штурмовых групп получили возможность несколько раз выехать на рекогносцировку, чтобы изучить объекты захвата, наиболее удобные пути подхода к ним, режим несения караульной службы афганской охраной. Первоначально акция была запланирована на 14 декабря, но из-за неподготовленности войск в Союзе, которые должны были поддержать главных исполнителей плана по свержению Амина, сроки были перенесены.

В середине декабря произошло событие, которое в значительной степени облегчало проведение операции. Амин был ранен в результате покушения. Столь жесткое проявление внутривластных разногласий, а именно на них Амин списал происшедшее покушение на свою жизнь, заставило его предпринять дополнительные меры по обеспечению личной безопасности. Амин перебрался во дворец Таджбек по соседству со стоянкой спецназа. Амин не догадывался об истинном предназначении этого подразделения, больше всего опасаясь козней со стороны своих соотечественников. Амин не мог не доверять советским - его окружали советские врачи, консультанты и советники. Возможно, люди из числа советского окружения Амина, посвященные в сценарий запланированной операции, посоветовали ему перебраться туда. Случись нападение повстанцев - президентский дворец на окраине города защитить гораздо легче. Решение Амина выбрать Таджбек в качестве своей новой резиденции помогло эффективно изолировать афганского руководителя от многих преданных ему воинских частей, расположенных в Кабуле.

В это время заканчивались последние приготовления к операции. В Термезе уже развернули командные пункты армии вторжения, а на баграмскую авиабазу началась переброска советских воздушно-десантных батальонов. Одновременно советские военные специалисты, работавшие в афганской армии, под предлогом инвентаризации, замены деталей и проведения регламентных работ выводили из строя афганские ракетные установки, танки и самолеты. Между Ферганой и

массированная переброска техники и личного состава ВДВ. Из переброски столь крупного советского военного контингента не делалось секрета, так как незадолго до этого с афганцами была достигнута договоренность о прибытии в страну нескольких пограничных батальонов для помощи в прикрытии нескольких участков пакистано-афганской границы. Во всяком случае, командир 103 дивизии ВДВ генерал-майор Рябченко был представлен начальнику афганского Генштаба Якубу как командир советской пограничной части. Советские мотострелковые дивизии в этот день перешли сухопутную границу и по двум дорогам, через Кушку и Термез, вторглись на территорию Афганистана.

Афганское руководство не сомневалось, что эти войска прибыли для поддержки режима. На вечер 27 декабря, то есть на день проведения операции, начальник Генштаба Якуб назначил деловую встречу у себя в кабинете советским военным представителям.

Кабул. 27 декабря 1979 года. 19.30. Солдаты и офицеры "мусульманского батальона" заняли исходные позиции. Они ждут сигнала приступить к "работе" - две красные сигнальные ракеты. Перед началом операции возник чисто технический вопрос. Как отличить своих от афганцев, да еще ночью? И на тех, и на других - зимняя форма афганских военнослужащих, и те, и другие - уроженцы Востока, да и оружие одинаковое - автоматы Калашникова. Затруднение разрешилось просто - на рукава были надеты белые марлевые повязки, чтобы не пострелять в темноте своих. Идея не была оригинальной, ибо такие же белые повязки красовались на руках "добрых" католиков, когда они резали гугенотов во время печально известной Варфоломеевской ночи. Спецназу предстояло штурмовать два ключевых объекта: резиденцию Амина, размещавшуюся во дворце Таджбек, и Генштаб афганской армии в Дар-уль-Амане 3.

Вместе со спецназовцами по тем же объектам и по ряду других должны были действовать спецгруппы КГБ СССР. О присутствии этих групп в своей столице афганцы не подозревали, ибо они были размещены на территории посольства СССР. Задачу по блокированию афганских частей, преданных Амину, возложили на прибывших из Союза десантников. К вечеру 27 декабря их насчитывалось более 6000 человек. Впоследствии, чтобы обосновать законность и, необходимость этой акции, в советские части, находившиеся в Афганистане, была кем-то запущена и имела широкое хождение красивая легенда о том, что "мы опередили американцев на сутки, ибо в Штатах уже стояли транспортные "Боинги" с запущенными двигателями, чтобы перебросить "зеленоберетчиков" в Кабул". Дабы придать легенде достоверность, были сочинены якобы истинные подробности, будто бы посол США в Афганистане в эту незабываемую ночь примчался на кабульский аэродром и плакал от досады и бессилия, созерцая сцену высадки доблестных советских десантников...

Сразу же после появления в морозном ночном небе двух красных ракет в районе Таджбека и Дар-уль-Амана вспыхнула ожесточенная перестрелка. Интенсивный огонь велся и в самом городе, и в его пригородах. Там вступили в бой группы КГБ, захватывая радиостанцию, телеграф, тюрьму Пули-Чархи и другие объекты. Особенно ожесточенное сражение разгорелось в резиденции Амина. Его охрана сопротивлялась, используя многочисленные огневые точки, хорошо замаскированные и размещенные на подступах ко дворцу. И комитетчикам, и спецназовцам пришлось нелегко. Здесь нападавшие понесли наиболее ощутимые потери.

охраной Генштаба, но сам Якуб сумел забаррикадироваться в одном из кабинетов и начал по радию вызывать подмогу. Он возлагал надежды на 444-ю бригаду "коммандос"4, размещавшуюся недалеко от дворца. Однако помощь не пришла. В полночь Якуб сдался, видя безвыходность своего положения. Возможно, он уповал на милость победителя. Но в группе захвата находился афганец, один из функционеров "Парчама", который, зачитав Якубу приговор от имени "партии и народа", разрядил в него свой пистолет.

Примерно в это же время стихла стрельба в резиденции Амина. Хафизула Амин, несколько его приближенных и охрана во главе с Мохаммедом Эқбалем были перебиты в бою. Спецназовцы и сотрудники КГБ, разгоряченные стрельбой, шли напролом, истребляя всех обитателей дворца, державших оружие. Те же, кто не оказывал сопротивления, были оставлены в живых. В их числе оказались члены семьи Амина, многие министры и деятели, партийной верхушки, прислуга. Более того, семья Амина в первые дни после декабрьского переворота, находясь под охраной спецназа, содержалась во вполне комфортабельных условиях, не испытывая и десятой доли тех лишений, которые выпали на ее долю после того, как все ее члены по указанию Кармалы были заключены в тюрьму Пули-Чархи. Судьба большинства министров и функционеров "Халька" сложилась более трагично - их повесили летом 1980 года в дни Московской олимпиады.

В профессиональном отношении спецназ действовал на "отлично", выполнив все поставленные перед ним задачи. Конечно, потери - 12 убитых и 28 раненых - были неизбежны, учитывая степень сопротивления охраны и ее многочисленность.

Несколько человек из числа павших погибли от своих пуль - за несколько часов ночного боя пороховая гарь, грязь и кровь превратили белые нарукавные повязки в черные. В темноте, с расстояния больше 30 метров, их невозможно было рассмотреть. Чтобы не быть убитыми своими по ошибке, спецназовцы громко матерились и кричали по-русски. Перестрелка между своими началась под утро, так как между спецназовцами и подошедшими ко дворцам десантниками не было четкого взаимодействия. Распознать своих и чужих оказалось делом затруднительным. По свидетельству десантников, их никто не предупреждал о союзниках, одетых в афганскую униформу с белыми повязками на рукавах. Подобная неразбериха и путаница в проведении боевых операций, когда за ее осуществление берутся одновременно несколько разных ведомств, происходит не только у нас, но и у американцев.

В декабре 1989 года во время операции по свержению администрации генерала Норьегги в Панаме на одном из аэродромов возле столицы не признали друг друга американские морские пехотинцы и "рейнджеры". В результате вооруженной стычки несколько гробов под звездно-полосатым флагом было отправлено в Штаты, а в американские военные госпитали поступили десятки раненых. Кстати, средства массовой информации США не скрывали, что "панамский сценарий" полностью скопирован с "успешной советской операции в Кабуле в декабре 1979 года".

Утро 28 декабря 1979 года. Отгремели последние выстрелы операции "Шторм" по свержению режима Амина, в ходе которой спецназ, впервые появившийся в Афганистане, сказал свое веское слово. Никто из военнослужащих "мусульманского" батальона не подозревал, что закончившийся

еще более кровопролитных, чем эта, и что последние солдаты спецназа покинут афганскую территорию лишь в феврале 1989 года. В эту ночь произошел не просто очередной государственный переворот в Кабуле, при котором власть из рук "Халька" перешла в руки "Парчама", а было положено начало резкой эскалации гражданской войны в Афганистане, была открыта трагическая страница как в истории афганского народа, так и в истории народов Советского Союза.

Солдаты и офицеры, участники ночного штурма, искренне верили в справедливость своей миссии, в то, что они помогают избавиться афганскому народу от тирании Амина. Они были уверены, что после выполнения операции все советские военнослужащие вернуться домой. Им было не под силу дать истинную оценку событиям, происходившим с их участием, и предсказать дальнейший ход развития политической обстановки в Афганистане. Они были лишь солдатами, военными людьми, выполнившими честно и мужественно приказ командования. Рассказывать кому-либо после возвращения в Союз о происшедших событиях военнослужащим спецназа было категорически запрещено. Из сообщений советской прессы явствовало, что "патриотически настроенные, здоровые силы НДПА свергли режим Амина", который, к тому же, оказался "агентом ЦРУ". В печати было объявлено, со ссылкой на афганские источники, что Амин еще в 60-е годы, обучаясь в Америке, был завербован ЦРУ и получил от них задание развалить НДПА. "Придет время, и весь мир узнает подробности того, как Амин и его подручные злодейски убили Н. М. Тараки и какую неприглядную роль в этом сыграли американские спецслужбы", писала газета "Правда" в те дни.

Подобная трактовка событий была вполне традиционной для удовлетворения любопытства простых советских граждан, ибо не было более простого приема для кремлевских руководителей, чем списать внутренние дразги в лагере "прокоммунистических" стран на происки "империалистов". В свое время Берию тоже объявили агентом английской разведки, но документов, свидетельствовавших о сем, не обнаружилось. Встретив в Кабуле Новый год, спецназовцы 8 января 1980 года покинули афганскую столицу и на самолетах отправились в Союз. Все они были представлены к орденам и медалям, а в качестве дополнительного поощрения из посольства в адрес тамошни ушла телеграмма, предписывающая не подвергать "рейнджеров" досмотру. Принявшие участие в операции офицеры КГБ тоже имели все основания рассчитывать на отправку подобной телеграммы. По воспоминаниям одного из них, они "...кое-что сумели прихватить из вещей во дворце - оружие, кинжалы и сабли, магнитофоны".

Напрасно спецназовцы перед отлетом домой просматривали вороха отечественных газет - ни одного слова о них, ни малейшего намека на их роль в свержении Амина. Они улетали с надеждой, что отныне в Кабуле "будет все спокойно". Однако мир, принесенный на штыках, - штука ненадежная, и ровно через полтора месяца после их отъезда жестокое и кровопролитное исламское восстание потрясло Кабул.

1 Моджахед - "борец за веру" (перс.) Так называли себя повстанцы в Афганистане.

2 Нуристан и Хазараджат - географические области Афганистана.

4 "коммандос" - наименование афганских воздушно-десантных частей.

Глава 2. Возвращение в Афганистан

Вопреки ожиданиям тогдашнего кремлевского руководства, операция "Шторм" в ночь с 27 на 28 декабря, в результате которой к власти был приведен Кармаль, и ввод почти сотысячной советской армии в Афганистан не стабилизировали обстановку в этой мусульманской стране. В течение многих веков афганцы сражались за право жить свободно на своей земле. Они традиционно привыкли видеть врага в любом иностранце с оружием в руках, с какими бы благородными и возвышенными намерениями не пришел он на их территорию, пусть даже под лозунгом "интернационального долга".

Присутствие "ограниченного контингента советских войск" лишь подлило масла в огонь гражданской войны в Афганистане, заставив его вспыхнуть с ураганной силой, и одновременно напрочь разрушило однозначно положительный образ русского человека - друга в среде простых афганцев, который десятилетиями создавался добросовестным самоотверженным трудом советских специалистов и рабочих в этой стране. Афганцы, поднявшись на "джихад, - священную войну против иноверцев, - лишний раз доказали, что их психология, образ мышления и жизненные ценности мало изменились со времен англо-афганских войн в XIX-XX веках".

Вооруженное сопротивление афганского населения прошло несколько этапов в своем развитии. На первых порах моджахеды не блистали тактической выучкой, были вооружены в основном трофейным стрелковым оружием, захваченным у афганской армии, или допотопными музейными ружьями типа Лэнсфильд и Мартини-Генри середины XIX века и эпохи первой мировой войны.

Спустя некоторое время, используя классическую партизанскую тактику и действуя небольшими, чрезвычайно мобильными, обученными в пакистанских и иранских лагерях группами, они превратились в достаточно эффективную силу. С 1981-1982 гг. на полную мощность заработал международный конвейер по поставке вооружения, боеприпасов, различного военного имущества для оппозиции. По сотням троп и дорог в Афганистан потянулись караваны верблюдов, лошадей и автомобилей, поддерживая пламень "джихада".

Советские войска, введенные в Афганистан, не были готовы к ведению антипартизанской войны в горных условиях - ни с точки зрения подготовки личного состава и организационной структуры, ни с точки зрения тактической выучки. Эти войска могли бы сражаться на полях Европы против войск НАТО или на сопках Маньчжурии против китайской армии, но в условиях афганского горно-пустынного бездорожья они оказались малоэффективными и ограниченными в маневре.

Итоги крупных операций, проводимых советским командованием, обычно напоминали процесс набирания воды решетом, так как моджахеды предпочитали не сталкиваться лоб в лоб с превосходящими многократно их по силе армейскими частями, которые были вооружены артиллерией, танками и поддерживались авиацией. Они обычно наносили беспокоящие удары по коммуникациям, держа в напряжении значительное количество советских и афганских правительственных войск. Как только войска уходили из кишлачной зоны после рапорта о том, что "от мятежников очищен еще один район страны",

Проведя несколько крупных операций, считавшихся весьма удачными в сферах высшего военного руководства, советские войска на первом этапе своего пребывания в Афганистане оказались не в состоянии нанести решительное поражение противнику внутри страны или хотя бы пресечь снабжение исламских партизан по караванным тропам из-за границы. Даже широко разрекламированная операция советский войск в долине Панджшер в 1982 году, стоившая "ограниченному контингенту" немалых потерь, лишь на короткий срок смогла ослабить влияние моджахедов в этом стратегически важном районе Афганистана. Массированные бомбардировки территории, находившейся под контролем оппозиции (а она удерживала до 85% территории страны), также не приводили к значительным результатам.

Оказавшись в специфических боевых условиях, советские войска были вынуждены действовать не только согласно наставлениям, изложенным в Боевом уставе сухопутных войск. Фактически моджахеды навязали свои правила игры, "контингенту", и тот стал приспособливаться к тактике исламских партизан.

Проанализировав малоутешительные итоги полуторалетней боевой деятельности войск в Афганистане, советское командование не придумало ничего лучшего, чем подавлять вооруженное сопротивление моджахедов в несколько этапов, по очереди концентрируя усилия войск то в одном регионе страны, то в другом. При условии, что там, где прошли войска, немедленно поднимались бы красные флаги, а население начинало бы с энтузиазмом поддерживать "построение социализма", этот план имел бы смысл. Например, в соответствии с одним из сроков, намеченных в плане, предполагалось до конца осени 1982 года очистить от оппозиционеров северные районы Афганистана, прилегающие к границе с Советским Союзом. Данный план чем-то напоминал планы сталинской коллективизации: сначала зона сплошной коллективизации распространяется на самые богатые хлебом южные регионы страны, затем охватывает менее богатые и так далее.

Чтобы сделать более успешной антипартизанскую борьбу, в Афганистан направляются два батальона войск специального назначения из состава Туркестанского и Среднеазиатского военных округов. Один из прибывших батальонов размещают в Меймене (провинция Фарьяб), другой - в Айбаке (провинция Саманган). Однако военная обстановка складывается в Афганистане таким образом, что концентрировать усилия в каком-то одном районе невозможно, так как в это же время исламские партизаны активизируют свою деятельность в других регионах, поэтому на первоначальный план поэтапной ликвидации вооруженной оппозиции по зонам вскоре махнули рукой. К тому же, на севере Афганистана маневренные группы советских пограничных войск довольно надежно прикрыли советскую южную границу и успешно противодействовали моджахедам, составив серьезную конкуренцию частям 40-й армии, дислоцировавшейся в этой стране.

Оба прибывших батальона не могли действовать по классическим канонам применения спецназа в ходе боевых действий против регулярных войск противника, так как характер войны в Афганистане существенным образом отличался от того, на что была ориентирована подготовка ударных частей советской военной разведки. Пришлось нарушить традиционную структуру этих частей и направить в оба батальона бронетехнику. В Союзе подразделения спецназа не имели ее. Для выполнения тех заданий, к которым спецназ готовился

зеленую зону без бронегруппы, полагаясь лишь на "верный АКС", было делом весьма рискованным.

В условиях современной войны с регулярной вражеской армией группы спецназа, забрасываемые в тыл противника, считались бы смертниками. Характер их заданий оставляет ничтожно мало шансов на возвращение домой. В Афганистане цели были иными. Спецназ должен был работать в качестве машинки многократного действия по перемалыванию живой силы противника. Без бронетехники в этом случае не обойтись. К сожалению, на первом этапе деятельности батальонов спецназа в Афганистане отбор личного состава для службы в них, причем, не только солдатского и сержантского, но и офицерского, велся в основном из пехоты, батальоны не имели прикрепленной к ним вертолетной авиации, отсутствовало достаточно тесное взаимодействие с афганскими органами госбезопасности - одним из важнейших поставщиков разведывательной информации. Поэтому батальоны спецназа мало чем отличались от обычных мотострелковых подразделений и не могли достаточно успешно действовать против моджахедов.

Более того, батальон из Айбака долгое время выполнял чисто охранные функции - защищал топливопровод в направлении от советской границы до Пули-Хумри от нападений партизан. В этот период лишь отдельная рота специального назначения, размещавшаяся в Кабуле, возле знаменитого холма Таджбек, действовала весьма эффективно. Ее использовали как пожарную команду, перебрасывая из одного конца страны в другой, порой за тысячу километров от Кабула.

Весной 1982 года угрожающая обстановка сложилась на востоке Афганистана в регионе, примыкавшем к Кабулу. На сей раз опасность для марксистского режима исходила из долины Панджшер, протянувшейся на двести с лишним километров от Джебаль-ус-Сираджа до Нуристана. Эту долину с 1980 года контролировала группировка "Исламское общество Афганистана" (ИОА) под руководством молодого, энергичного и умного лидера по имени Ахмад Шах. Его отряды действовали вдоль важнейшей магистрали Кабул - Хайратон, по которой осуществлялось снабжение афганской столицы и большинства частей 40-й армии с территории Союза, и наносили мощные удары по транспортным колоннам. Кроме того, отряды Ахмад Шаха действовали в Баграмской долине, обстреливая аэродром с базировавшейся на нем советской и афганской авиацией. В Кабуле ему удалось создать разветвленную агентурную сеть, охватившую практически все государственные учреждения, в том числе министерство обороны и разведывательное управление афганской армии.

Все попытки выбить моджахедов из долины оканчивались неудачей. Весной 1982 года было решено наконец-то покончить с набившим оскомину "инженером Масудом"2. Несмотря на большое количество привлеченных войск, бронетехники, артиллерии и авиации, операция затянулась и оказалась весьма кровопролитной для советской стороны. В разгар боев для поддержки находившихся там воинских частей был переброшен из Меймене батальон спецназа. Советских "рейнджеров" разместили в Рухе - небольшой деревушке, уже сильно разрушенной после ожесточенных столкновений в мае, когда здесь на неподавленную авиацией оборону моджахедов высадился советский вертолетный десант. В Рухе практически не осталось целых домов за исключением мечети и нескольких дуканов.

разительно отличался от скудной красками и растительностью песчаной пустыни и районе Меймене. Однако горы с их много численными ущельями, окружавшие Руху, таили опасность для спецназа. Они давали возможность моджахедам скрытно подбираться к кишлаку для обстрела лагеря спецназовцев и устройства засад на единственной в долине дороге. Расположение Рухи полностью простреливалось с окрестных высот и из ущелий, поэтому вертолеты не летали туда из-за опасности подвергнуться обстрелу при посадке. Эту местность можно было с полным основанием назвать долиной смерти, так как к концу 1982 года на берегах и островах Панджшерки, на горных террасовидных полях и в ущельях валялись искореженные остатки доброй дюжины сбитых вертолетов. Относительно безопасную посадочную площадку для приема вертолетов пришлось оборудовать в 6 километрах от кишлака - там, где горы немного расступались, освобождая место для относительно ровного и обширного участка долины.

Каждодневные перестрелки приводили к потерям с обеих сторон и продолжались до глубокой осени, пока не начались переговоры между Ахмад Шахом и представителями Главного Разведывательного Управления Советской армии. Факт проведения переговоров означал полный провал плана "военной коллективизации".

С афганскими правительственными органами лидер исламских партизан разговаривать отказался. Переговоры завершились заключением перемирия, по условиям которого группировка ИОА "Панджшер" отказывалась от боевой деятельности против советских войск. На афганские войска и органы правительственной власти эти условия не распространялись.

Достигнутый временный компромисс советская сторона считала за чистую монету, не учтя одного из положений "джихада": мусульманин должен обмануть "кафера"³, чтобы затем убить его. Вероломства повстанцев можно было ожидать, зная историю Афганистана. К сожалению, наше военное руководство смутно представляло себе не только историю страны, но и психологию мусульманина.

Во время второй англо-афганской войны (1868-1872) афганские повстанцы пригласили главного представителя английских оккупационных сил в Кабуле, лорда Макноттена, на переговоры о перемирии. Во время встречи лорд был убит, а лагерь англичан подвергся штурму. Компания была проиграна. И в дальнейшем афганские племена, проживавшие в районах, на которые распространялась юрисдикция английских властей, постоянно нарушали подписанные соглашения и выступали против англичан.

Соглашение, заключенное зимой 1982 года в Панджшере, проработало недолго чуть больше года. Ровно столько времени понадобилось доктору Масуду для восстановления своих сил. Сразу после достижения перемирия батальон в феврале 1983 года был передислоцирован в Гульбахар. Солдатам и офицерам к этому времени смертельно надоела красивая долина и величественные горы, полные ловушек и неприятных сюрпризов. После негостеприимного и безлюдного Панджшера, в котором практически не осталось торговавших дуканов, где цена за бутылку некачественной водки ашхабадского розлива достигала астрономической суммы - 50 и более инвалютных рублей, куда вертолеты летали с большой вероятностью быть сбитыми, попасть на "большую землю" спецназовцы считали за великое благо. В самом Гульбахаре обстановка тоже не была спокойной. Однако, батальон в самом городе практически не

безоткатных орудий. Обстрелы производились ночью и были очень короткими по времени. Дав несколько залпов из минометов, установленных порой прямо в кузовах пикапов, исламские партизаны под аккомпанемент беспорядочной ответной стрельбы покидали окрестности базы.

Попытка батальона покарать назойливых моджахедов окончилась печально. Одна из его рот сунулась в зеленую зону в сторону Махмудраки и в полутора километрах от базы напоролась на такой мощный отпор, что у комбата надолго пропала охота перетряхивать Гульбахар.

Новая зона ответственности батальона представляла собой довольно обширный регион и включала провинции Кабул, Вардак, Каписа, Парван и даже Газни. Постепенно спецназ начал отказываться от классической тактики, предполагавшей действия небольшими группами, так как это вело в условиях афганской войны к большим потерям. На операции стали выходить поротно или даже сразу несколькими ротами. Спецназовцы простояли в Гульбахаре одиннадцать месяцев, но и за этот период в батальоне мало что изменилось. По-прежнему подавляющее большинство офицеров и прапорщиков до отправки в Афганистан не служили в спецназе и ВДВ. Поэтому и речи быть не могло о воспитании рядовых спецназовцев в лучших традициях элитных частей советской военной разведки. Многие солдаты и сержанты покуривали чарс, выменивая его у афганцев на консервы, солярку и обмундирование. Курение наркотических веществ они объясняли желанием забыться, расслабиться, подавить чувства тоски и голода.

Батальон в основном выходил на засадные действия, однако львиная доля этих выходов кончалась ничем или ограничивалась перестрелкой с моджахедами. В оперативных сводках действий батальона, подаваемых наверх, картина рисовалась более радужными красками. О низкой подготовке военнослужащих батальона, плохо поставленной разведке и неэффективной тактике в этот период свидетельствовали большие, ничем неоправданные потери. Только одна из рот батальона с осени 1982 года по январь 1984 года потеряла 21 человека убитыми и более 50 человек ранеными, имея в своем штате 62 солдата и 10 офицеров и прапорщиков. Например, в ночь на 14 января 1984 года на плато Соруби рота этого батальона была отрезана от "брони" и подверглась массированному огневому воздействию исламских партизан. Потери спецназа исчислялись десятками убитых и раненых.

Плато Соруби вообще пользовалось дурной славой среди спецназа. В этом же месте через несколько месяцев, весной 1984 года, моджахеды окружили и полностью уничтожили небольшую группу спецназа из джелалабадского батальона, которая действовала в отрыве от основных сил. Неоднократные неудачи в районе Соруби можно объяснить отчасти и тем, что информация о предстоящих действиях "рейнджеров" каким-то образом попадала в распоряжение исламских партизан. Абдул Хак - лидер моджахедов уезда Соруби в интервью американскому журналисту Д. Айсби, отвечая на вопрос, "как он противостоит вражеским операциям", сказал: "Мы устраиваем противозасадные действия. Получив разведанные о предполагаемом времени и районе советской засады, мы занимаем там позиции до появления противника. Мы провели пять успешных операций такого рода". Постепенно спецназовцы научились разгадывать тактические хитрости и уловки моджахедов. Это умение доставалось большой кровью и потом.

был создан практически заново. Было назначено новое руководство. Почти все прибывшие офицеры имели опыт службы в частях спецназа. Был заменен частично сержантский и солдатский состав. Батальоны получили новую бронетехнику. Кроме того, за спецназовцами наконец-то была закреплена вертолетная авиация, что сразу повысило их боевые возможности. В феврале они развернули боевые действия в районе Газни и сразу же добились успеха в нескольких операциях по уничтожению караванов и складов исламской оппозиции.

К концу 1983 года в стратегию действий советских войск в Афганистане были привнесены изменения. Ряд крупных операций в различных регионах страны не дали желаемого эффекта. Через совершенно открытую и никем не охранявшуюся границу с Пакистаном и Ираном по-прежнему к моджахедам продолжалась бесперебойная доставка оружия, боеприпасов, продовольствия и медикаментов.

Недавно созданные афганские погранбригады в лучшем случае могли защитить пункты своей постоянной дислокации, а о каких-то операциях по прикрытию границы оставалось только мечтать. Активность моджахедов не снижалась, а потери советских войск не уменьшались, поэтому, не отказываясь от проведения операций внутри Афганистана, командование сделало ставку на использование батальонов войск специального назначения, чтобы перекрыть ими основные караванные тропы на границе и таким способом сорвать снабжение моджахедов.

В конце зимы 1984 года началась переброска войск спецназа на восток и юг страны. Батальон из Гульбахара был переброшен в Газни, а батальон, стоявший в Айбаке, разместился в Джелалабаде. Вскоре, в течение 1984-1985 гг., в Афганистан из Советского Союза прибыли еще шесть батальонов спецназа. Так была создана невиданная для наших войск концентрация частей спецназа в одной общевойсковой армии, ибо, как правило, в составе одной армии имеется всего одна рота спецназа. Из прибывших батальонов создали две бригады: одна со штабом в Джелалабаде, другая со штабом в Лашкаргахе. Батальоны этих бригад дислоцировались в Асадабаде, Джелалабаде, Газни, Бараки, Шахджое, Кандагаре, Лашкаргахе и Фарахе. Как говорится в подобных случаях, "русские медленно запрягают, да быстро ездят".

Если бросить взгляд на карту и соединить одной линией места дислокации батальонов, то получится длинная дуга в полторы тысячи километров вдоль афгано-пакистанской и афгано-иранской границ. Так началась самая яркая и остросюжетная глава в истории частей спецназа в Афганистане, сделавшая их, без преувеличения, всемирно известными и оставившая о них долгую и печальную память среди афганцев. Во всяком случае, и после вывода советских войск из Афганистана моджахеды с содроганием вспоминали о беспощадных, опустошительных рейдах и налетах "рейнджеров" спецназа на их караваны, базы и кишлаки.

Взлет спецназа длился вплоть до февраля 1989 года, до последних дней пребывания советских войск в Афганистане. Западные военные специалисты не могли не признать, что "операции, проводимые подразделениями спецназа во многих приграничных районах, в сочетании с бомбардировками и минированием перечеркнули способность моджахедов осуществлять поставки вооружений с помощью караванов вглубь страны с той безнаказанностью, которой они упивались в первый период войны".

ряда причин, было обречено на неудачу, не могла быть выигранной даже с прибытием такого количества подразделений спецназа. Спецназ смог лишь пригасить, сбить накал "джихада", но полностью загасить его он был не в состоянии.

1 Зеленая зона - оазис с многочисленными кишлаками, расположенный, как правило, вдоль реки.

2 "Инженер Масуд" - псевдоним Ахмад Шаха.

3 Кафер - немусульманин, иноверец.

Глава 3. Охотники за моджахедами

Спецназ не сразу превратился в ту грозную силу, которую опасались моджахеда. Не в одночасье известие о возможном столкновении с ним стало приводить в волнение самых опытных и удачливых командиров отрядов оппозиции.

Покинув обжитые городки европейской части СССР, батальонам спецназа пришлось пройти трудную школу выживания в совершенно новых условиях, прежде чем они приступили к ведению эффективной антипартизанской войны. Базы спецназа размещались на различном удалении от пакистанской границы - от 10 до 150 километров, а зона ответственности, на территории которой спецназ вел боевые действия, в основном распространялась на районы, примыкающие к Пакистану и Ирану. Близость границы, которую спецназ должен был перекрывать, перехватывая караваны моджахедов, создавала для него немало трудностей. Исламские партизаны в случае опасности всегда могли отступить на пакистанскую территорию или подтянуть оттуда резервы, если малочисленные группы советских "рейнджеров" слишком близко подходили к ней. Но и спецназ умел постоять за себя, поэтому иногда на помощь моджахедам приходили подразделения малишей¹ из состава пакистанской пограничной стражи. Их форма, включающая камуфлированные полевые куртки, серые национальные рубахи до колен и черные береты с красно-желтой кокардой, нередко вводила спецназовцев в заблуждение. При виде малишей они считали, что их атакуют наемники из западных стран и воевали с удвоенной энергией, стремясь заполучить на память в качестве трофея черный берет.

Иногда столкновения с пакистанцами возникали из-за различий в нанесении госграницы между Афганистаном и Пакистаном на географических картах, которыми пользовались советские и пакистанские военнослужащие. Например, на советских картах провинции Кунар граница проходит по горной гряде, располагающейся на правом берегу одноименной реки, а на пакистанской карте линия той же границы проведена по реке, а правый берег полностью считается пакистанской территорией. Из-за подобной картографической несуразицы происходили случаи, когда группы спецназа углублялись в ходе боевых действий на несколько километров вглубь Пакистана, будучи уверенными, что они все еще на афганской земле. Ведь границы с ее атрибутами - вышками, рядами колючей проволоки, вспаханной полосой, - между этими двумя странами не существует.

Там, где приходилось действовать спецназу, противник располагал многочисленными базовыми районами. Многоярусная система оборонительных позиций, укрытий, способных выдерживать прямое попадание фугасных

созданная для оборонительных действий, делали базовые районы весьма опасными. Чтобы, например, разгромить базовый район моджахедов "Джавара" в провинции Пактия (рядом с пакистанской границей), пришлось проводить крупную армейскую операцию с привлечением большого количества бомбардировочной и штурмовой авиации. Перед спецназом не стояла задача громить эти "осиные гнезда". У него просто бы не хватило сил и технических возможностей для проведения подобной акции. Тем не менее, группы "рейнджеров" время от времени вторгались на территорию базовых районов неприятеля, уничтожали там отдельные объекты и громили караваны. Сделав свое дело, они спешили покинуть район, пока во много раз превосходящие силы исламских партизан не взяли их в кольцо. Находясь на территории "духов"², спецназовцы должны были соблюдать все меры предосторожности, чтобы не быть обнаруженными раньше времени. Малейшая ошибка приводила к печальным последствиям.

Однажды в конце октября 1987 года в районе Дури-Мандех группа из шахджойского батальона спецназа углубилась на территорию такого района. Солдаты досматривали караван кочевников и, увлекшись проверкой, слишком поздно заметили неладное. Моджахеды попытались окружить их. На связь с базой удалось выйти, когда бой был уже в полном разгаре, поэтому вертолеты смогли прилететь с большим опозданием. Остатки группы были спасены, но одиннадцати парням из спецназа никакая помощь уже не требовалась. Не в пользу спецназа работал и климатический фактор. Сводящая с ума жара в летний период, заболоченные, малярийные берега Кабул-реки в окрестностях Джелалабада, отчаянное безводье Регистана - одной из самых больших афганских пустынь, и песчаные ветры Фараха, больно секущие лицо, вряд ли смогли прийти по вкусу прибывшим из России. Суровая азиатская природа и присущая спецназу бесшабашность подчас приводили к трагическим результатам.

Стремительные, бурные воды афганских рек нельзя назвать глубокими. Большинство из них летом можно перейти вброд, не замочив колен, но есть и исключения. Те, кто видел Фарахруд, Гильменд или Кабул в период весеннего паводка, никогда не забудут несущуюся со скоростью курьерского поезда массу мутной, студеной воды с бешеными водоворотами...

Спецназ всегда стремился ходить напрямик, зачастую толком не разведав дороги. Так было и той мартовской ночью 1985 года при форсировании Кабул-реки вблизи местечка Мухмандара (провинция Нангархар). За одну минуту стремительный поток перевернул три БТРа с людьми. Утонули двенадцать спецназовцев. Несколько дней подряд военнослужащие батальона и их соседи из мотострелковой бригады прочесывали берега в поисках трупов. Некоторые удалось найти. Течение реки унесло их за много километров от места трагедии. Незадолго до этого случая, примерно при таких же обстоятельствах, в той же самой реке утонула БМП из джелалабадского батальона вместе с десантом и грудой трофейного оружия, взятого спецназом после успешной вылазки в местечке Кама. Спаслись лишь несколько человек, обладавших быстрой реакцией и большой физической силой. Они успели сбросить с себя многокилограммовое снаряжение.

Летом самым тяжелым испытанием была жара. Чтобы меньше находиться под воздействием обжигающих лучей солнца, "рейнджеры" стремились вести боевые

не могли понять, как удастся моджахедам относительно спокойно переносить пекло. И вот в Асадабаде, центре провинции Кунар, дотошные европейцы разгадали тайну выносливости аборигенов, которые, чтобы предотвратить обезвоживание и вывод солей из организма, пили соленый чай. Мерзко, невкусно, но нужно, если хочешь выжить. Спецназ не хотел повторять ошибок соседей-мотострелков, у которых за один знойный день в июне 1984 года в горах погибли 10 солдат от солнечных ударов и обезвоживания.

Находясь в горах под лучами палящего солнца, спецназовцы прибегали еще к одному приему, который помогал им противостоять жаре, не теряя боеспособности. В некоторых группах действовало железное правило: воду из фляжек можно было пить только с разрешения командира группы. Не дай бог, если кто-то пытался тайком приложиться к горлышку своей фляги. Провинившийся подвергался наказанию. Это жестокое правило возникло не на пустом месте. Часто солдаты в первые часы пребывания выпивали все содержимое своих фляг и потом часами мучились от жажды, так как найти воду в афганских горах - дело архисложное.

На новом месте спецназ встретился еще с одной проблемой, о которой не подозревал в северных районах Афганистана, заселенных преимущественно таджиками, узбеками и туркменами. Здесь же в основном проживали пуштуны. В батальонах всегда служило определенное количество солдат - выходцев из советской Средней Азии: Они в случае необходимости всегда могли без труда переговорить со своими афганскими сородичами, чтобы выяснить обстановку. Их знания языка хватало и на допрос пленного моджахеда. Однако, очутившись среди пуштуговорящего, преимущественно сельского населения, которое в лучшем случае лишь немного изъяснялось на дари³, эти солдаты моментально утратили дар речи, сразу почувствовав непреодолимый языковой барьер.

Выручали сотрудники ХАДа, услуги которых были весьма сомнительны, ибо они часто переводили лишь то, что считали нужным. Сложившаяся ситуация изменилась в лучшую сторону лишь тогда, когда в батальоны стали прибывать военные переводчики со знанием пушту, окончившие специальные курсы в Москве. На первых порах батальонам, которые были передислоцированы из Союза, не хватало опыта ведения боевых действий против такого умелого и хитрого противника, каким была вооруженная исламская оппозиция. Да и сама афганская война разительно отличалась от того, на что натаскивался спецназ дома. Приехавшие из России плохо представляли себе противника, против которого их отправили воевать и умирать.

Поистине трагическая история произошла в конце апреля 1985 года в провинции Кунар с асадабадским батальоном спецназа, проходившим до этого службу под Минском. Учения в лесах Белоруссии по отработке захвата ракетных баз и командных пунктов противника из НАТО остались позади. Вероятно, потому, что с новым противником они были едва знакомы, среди военнослужащих батальона царили шапкозакидательские настроения в отношении моджахедов. И командиры, и их подчиненные имели явно преувеличенные представления о собственных силах и занижали боевые возможности моджахедов. В то время в Кунаре действовали сильные, хорошо вооруженные и обученные, многочисленные отряды исламских партизан. За исключением нескольких населенных пунктов они безраздельно господствовали на всей территории провинции. Небольшой гарнизон советских и афганских

действовал дерзко, умело, а близость Пакистана давала ему уверенность в том, что его всегда поддержат. Несколько раз исламским партизанам удавалось нанести ощутимые потери советским и афганским правительственным войскам, когда те проводили операции в горах.

Предостережения мотострелков, давно действовавших в этом районе, были выслушаны руководством батальона с известной долей скептицизма. Батальон готовился к своей первой самостоятельной операции и, видимо, комбат посчитал, что "не пристало спецназу руководствоваться наставлениями какой-то чумазой пехоты".

Начало операции не предвещало трагедии. Прохладная апрельская ночь, чуть занимавшийся рассвет, стремительный бросок одной из рот батальона вглубь Мараварского ущелья и несколько моджахедов, трусливо удирающих от советских "рейнджеров"... И рота, и комбат, руководивший операцией с КП, купились на этот испытанный прием моджахедов и дали заманить себя в ловушку к самой границе с Пакистаном, где их уже поджидала засада.

Запустив спецназ поглубже в ущелье, исламские партизаны ударили с нескольких сторон, осыпая разгоряченных преследованием солдат пулями и гранатами из РПГ. Затем они отсеки от основных сил группу человек в тридцать, окружили ее, а остальных принудили отступить из ущелья. Вместо того, чтобы сразу вызвать авиацию, огонь артиллерии, запросить о помощи стоявших рядом мотострелков, комбат решил обойтись своими силами и "не выносить сор из избы" на всеобщее обозрение. Как-никак, первая операция под его руководством!..

Время было упущено. Окруженные сопротивлялись до последнего. Часть из них бросилась на прорыв, другие заняли оборону в полуразрушенном строении. Отбивались недолго. Моджахеды подтащили безоткатные орудия и многоствольные реактивные установки. Из ближайших лагерей оппозиции, находившихся на территории Пакистана, прибыли подкрепления. Прошло несколько часов, и сопротивление было сломлено. Почти все попавшие в кольцо были перебиты, а их трупы, раздетые донага, были преданы издевательствам и глумлению. Ближе к вечеру мусульмане, построившись в цепь, тщательно прочесали ущелье, добывая раненых спецназовцев.

Под утро следующего дня на советские посты выполз со множеством пулевых ранений прапорщик, а затем вышел солдат этой же роты. Они были единственными, кто уцелел в мараварской бойне. Чтобы вытащить с поля боя трупы и отправить их в Союз, пришлось проводить операцию силами двух бригад. После этого поражения личный состав был настолько деморализован, что понадобилось немало времени для того, чтобы вновь приступить к боевым действиям. К ним готовились, досконально изучая местность, обстановку и тактику моджахедов. Теперь на легкую победу никто не рассчитывал. Комбат был снят, а офицерский состав батальона был разбавлен людьми из других частей спецназначения, имевшими боевой опыт. В дальнейшем асабабадский батальон сполна рассчитался с моджахедами за свое поражение в первой операции.

В процессе адаптации к новым условиям менялись качественные характеристики спецназа. Впервые за годы афганской войны спецназу были приданы на постоянной основе вертолетные подразделения. Например, редкая операция лашкаргахского батальона спецназначения обходилась без взаимодействия с 205-й вертолетной эскадрилей. На вертолетах спецназ

караваны. Вылетал на них к районам операций и десантировался с них. А вертолеты огневой поддержки надежно прикрывали его в бою.

Атака на противника в ее классическом понимании была явлением необычным во время войны в Афганистане. Если бы советские войска ходили в лобовые атаки на пулеметы противника, как это было в период Отечественной войны, то наши потери в Афганистане исчислялись бы не пятнадцатью тысячами убитых, а были намного больше. В атаку в этой стране, как правило, не ходили. Исключение представлял собой лишь спецназ. Его взаимодействие с вертолетами достигало такой степени, что позволяло даже на открытой местности атаковать позиции моджахедов. Происходило это следующим образом: вертолет заходил на цель и открывал по ней огонь из всех пулеметов, пушек и кассет с НУРСами. Нервы моджахедов, стрелявших до этого из крупнокалиберного пулемета и чувствовавших себя неуязвимыми, не выдерживали. Моджахеды спешили спрятаться в укрытиях. В этот момент спецназовцы совершали перебежку, приближаясь к цели. Затем залегали, когда вертолет, выйдя из пикирования, шел на разворот, чтобы снова зайти на пулеметную позицию неприятеля. Сделав несколько перебежек, спецназовцы забрасывали расчет пулемета гранатами, если тот не успевал удрать, бросив оружие, или не был уничтожен огнем вертолетчиков.

Имея в своем распоряжении вертолеты, спецназ проворачивал такие "дела", о которых не мог раньше и подумать. Летом и осенью 1986 года во время облетов территории Белуджистана* вертушки со спецназом на борту, используя относительно ровный рельеф местности, маскируясь за невысокими сопками, залетали на территорию Пакистана на глубину 15-20 километров, а затем шли над караванными тропами в сторону Афганистана. Конечно, пилоты рисковали, но расчет был точный - за те считанные минуты, что они находились над чужой территорией, сбить их силами ПВО Пакистана не успевали. По пакистанской земле моджахеды шли беспечно - не маскируясь, днем. Услышав шум вертолетных двигателей, они не прятались, принимая советские вертолеты за пакистанские. Через секунду на них обрушивался шквал огня.

Изменилась в лучшую сторону и картина комплектования частей спецназа. Как правило, почти все офицеры, прибывавшие в Афганистан, были выпускниками Рязанского воздушно-десантного училища, разведфакультетов и десантных рот общевойсковых, инженерных и политических училищ. Некоторые старшие офицеры имели опыт участия в боевых действиях в Эфиопии, Анголе и на Ближнем Востоке. Солдаты и сержанты проходили перед отправкой на войну курс спецподготовки в учебном центре в Чирчике на территории Узбекистана, так как климатические условия и рельеф местности этого региона были схожи с афганскими. В части спецназа старались отбирать тех, кто на гражданке серьезно занимался спортом. Особенно охотно брали разрядников по дзюдо, боксу, борьбе. Спортсмены были нужны в Афганистане, но служить их туда приезжало ничтожно мало. На эту войну в основном отправляли крестьянских детей, а они сроду спортом не занимались. Какой спорт в деревне?..

Подготовка в Чирчике включала в себя даже такой специфический элемент, как отработка передвижений по кяризам⁵ и ведение в них боевых действий. Отсутствие кяризов в учебном центре с лихвой компенсировалось ужасно запущенной городской канализацией. По ее подземным лабиринтам спецназовцы часами лазали в противогасах. После трехмесячной муштры рекрутов спецназа

практическое обучение непосредственно в батальонах и становились настоящими охотниками за моджахедами.

Кроме того, в чирчикском учебном центре были открыты краткосрочные курсы переподготовки офицерского состава. В течение одного месяца перед отправкой "за речку" с офицерами спецназа проводились практические занятия. Они включали вождение бронетехники, стрельбу из пушек и пулеметов, установленных на ней, минирование местности и объектов. Читались лекции по тактике действий моджахедов и методам антипартизанской борьбы, по общей военно-политической обстановке в Афганистане. На курсах имелась богатая коллекция трофейных мин и фугасов, служившая учебным пособием на занятиях по разминированию.

Эффективность спецназа во многом объяснялась степенью свободы командиров подразделений при планировании боевых операций. В мотострелковых и десантных частях боевые действия планировались в штабе, решение принималось командиром части и утверждалось в штабе армии. Затем оно спускалось в ту же самую часть, и подразделения начинали действовать согласно его пунктам. Поэтому очень часто с момента поступления разведывательной информации до выхода подразделения на операцию проходило столько времени, что обстановка менялась полностью.

В спецназе же почти все решения принимались командиром роты или батальона на основании разведанных. Командир батальона утверждал решение командира роты на боевую операцию, и ближайшей ночью группы спецназа уходили охотиться на караваны. Были случаи, когда командиры выводили людей на операцию без предварительных данных. Сами офицеры спецназа утверждали, что нередко можно было наблюдать следующую картину. В ротной канцелярии, томясь от жары и тоски, ротный и его заместитель наугад, с закрытыми глазами, бросают заточенные перья в карту региона, на который распространяется зона ответственности их части. Куда воткнется перо, туда и отправится ночью рота. Как это ни странно, нередко в таком "наудачу" выбранном районе спецназ давал хороший результат, возвращаясь на базу с трофеями и пленными.

В обрисованной ситуации есть доля шутки, но в целом она близка к истине. Опытные командиры групп, воевавшие в Афганистане по второму году, настолько подробно знали некоторые районы своей зоны ответственности, что спокойно обходились без карты во время операции. Исходя из опыта, они, даже не имея оперативной информации о противнике, хорошо представляли себе, по каким тропам и в какое время можно ожидать передвижения караванов, где следует опасаться засады моджахедов. Один из офицеров спецназа сказал в шутку: "Я вполне смог бы заработать миллион у "духов". Подался бы к ним в проводники, и все дела". За некоторыми группами были неофициально закреплены определенные участки территории, куда они постоянно выходили на охоту. Поэтому даже солдаты порой знали местность, т. е. рельеф, тропы, колодцы и кишлаки не хуже коренных жителей.

Действия спецназа не по шаблону всегда ставили моджахедов в тупик. Самостоятельность в решениях, свобода в выборе маневра, инициатива были присущи подразделениям "рейнджеров". Веря в свой успех, спецназовцы, тем не менее, принимали в расчет и известный процент неудачи. На войне всякое случается. Поэтому перед выходом на операцию определялись места сбора, вероятные маршруты движения групп на тот случай, если все рации, имеющиеся

Обычно планирование крупномасштабных операций штабом 40-й армии велось во взаимодействии с Генштабом афганской армии через аппарат советников. Нередко секретные сведения о предстоящей операции прямиком из афганских штабов попадали в руки моджахедов. Например, в ходе десантной операции в районе Черных гор под Желалабадом в сентябре 1984 года в одном из захваченных вражеских укреплений среди трофейных документов было обнаружено письмо с точными сведениями о количестве вертолетов и самолетов, привлекаемых для участия в операции, сроках и месте ее проведения. Операция проводилась совместно с афганскими правительственными войсками, и информаторы моджахедов среди высших офицеров этих войск сработали без осечки.

Аналогичную картину можно было наблюдать и в мае 1982 года во время операции в Панджшере. Уже в ходе боев, когда были допрошены первые пленные, выяснилось, что исламские партизаны за неделю до начала операции узнали о точном времени и месте выброса вертолетного десанта.

Спецназ же практически никогда не действовал вместе с афганскими правительственными войсками. Поэтому их непосвященность в деятельность "рейнджеров" в немалой степени способствовала успеху спецназа в антипартизанской борьбе. Исключение спецназ делал только для афганской службы госбезопасности, с которой имел достаточно тесные связи. К операции привлекались агенты ХАДа на местах, так называемые "наводчики", и наиболее проверенные сотрудники этой службы. Иногда со спецназом ходили мелкие группы из состава оперативных батальонов ХАДа. Но перед операцией их несколько дней выдерживали на базе спецназа, лишая всякой возможности связаться с моджахедами, если бы они этого захотели. К тому же, обладая информацией о районе предстоящих боевых действий, афганцы были в полном неведении относительно маршрута выдвижения спецназа к цели, количестве участников операции, средств поддержки. Таким образом, спецназ страховался от любой случайности, которая могла бы привести к неудаче.

Кроме разведанных, поставляемых ХАДом, спецназ пользовался информацией резидентур ГРУ, сотрудники которых действовали в каждой афганской провинции. Наиболее точную информацию давал ХАД. В ходе операций, проводимых спецназом, она подтверждалась на 60-70%.

Сам спецназ также располагал достаточно широкими возможностями для ведения разведки. Немалую долю информации он собирал сам за счет изучения трофейных документов, допросов пленных моджахедов, данных радиоперехвата и аэрофотосъемки. Все без исключения органы разведки различных, порой конкурирующих между собой, ведомств старались передать собранную информацию в первую очередь спецназу, который был ударным отрядом "ограниченного контингента". Если по полученным данным ему удавалось разгромить моджахедов или, как говорилось в Афганистане, "дать результат", то сотрудники ведомства, предоставившего информацию, могли рассчитывать на награду.

Период адаптации, который проходил для спецназа с кровью и потом, заложил основу успешных боевых действий в будущем. Пройдя его, спецназ вышел на тропу войны, чтобы побеждать.

1 Малиш о боец племенного формирования в Пуштунистане - исторической

- 2 "Духи" - жаргонное прозвище моджахедов, распространенное среди военнослужащих советской армии в Афганистане.
- 3 Дари - один из языков Афганистана, близок к таджикскому.
- 4 Белуджистан - область на юге Афганистана.
- 5 Кяриз - подземный туннель для воды, используемый для орошения полей. Кяризы могли тянуться под землей на сотни метров.

(с) Алексей Чикишев, 2000

Алексей Чикишев Спецназ в Афганистане

Глава 4. Спецназ на тропе войны

Кто был в Афганистане, хорошо представляет себе караванный путь. Им может быть узкая, едва заметная тропа через крутые скалы. Иногда этот путь предстает в виде хорошо укатанной дороги по сухому руслу реки. Караваны, идущие по проторенному пути, тоже бывают разными: от десятка ишаков, навьюченных ящиками и тюками, с двумя-тремя погонщиками, до целой колонны грузовиков и пикапов, набитых оружием, боеприпасами, с многочисленной охраной. По сотням подобных караванных путей осуществлялось снабжение афганских моджахедов из Пакистана и Ирана, благо, граница практически не охранялась. Борьба с караванами и перекрытие границ - вопрос, неизменно вызывавший головную боль у советского командования. К чему только не прибегали: минировали границу, устилая перевалы и тропы множеством миниатюрных противопехотных и специальных мин на неизвлекаемость, наносили бомбово-штурмовые удары по кишлакам и отдельным строениям, которые могли бы послужить пристанищем для караванов, совершали облеты больших участков приграничной территории на вертолетах, расстреливая все живое. Однако эти действия лишь нарушали хозяйственную жизнь местного населения, затрудняли транспортное сообщение между приграничными районами сопредельных стран и вынуждали целые племена сниматься с обжитых мест и уходить в Пакистан и Иран, пополняя лагерь беженцев.

Безусловно, моджахеды несли определенные потери от советских акций, но не оставляли своих усилий на каком-то конкретном участке. Их деятельность могла лишь на время ослабнуть, но не прекратиться. Так, после широкомасштабного минирования перевалов и троп в декабре 1984 года на афгано-пакистанской

прежний объем поставок вооружения и амуниции из Пакистана. Потеряв на минах полторы сотни человек, они, чтобы разминировать тропы, стали прогонять стада баранов, а для борьбы с минами, реагирующими только на человека, использовали пленных или заложников.

Исламская оппозиция непрерывно совершенствовала тактику проводки караванов через границу. Проводка караванов включала в себя целый комплекс мероприятий по охране самого каравана, разведке маршрута движения, поддержанию в состоянии постоянной готовности стоянок для ночевки и отдыха. Важно было заручиться согласием вождей племен и старейшин, по территории которых проходил путь каравана. Моджахеды были вынуждены считаться с сильными приграничными племенами пуштунов, нуристанцев и белуджей и платили им за транзит каждого каравана. Существовали и другие проблемы, без решения которых караван не тронулся бы с места. Прежде чем пуститься в дорогу, исламские партизаны тщательно разведывали местность, чтобы не нарваться на засаду, поэтому впереди шли дозоры. Для дневных стоянок и ночевки выбирались такие места, где можно было бы спрятать или замаскировать машины, вьючных животных - пещеры, заброшенные кишлаки, обрывистые берега сухих русел, сады, горные леса на юго-востоке страны. Иногда впереди основного каравана следовал "ложный". "Ложный" караван был нужен для того, чтобы вовремя обнаружить засаду спецназа, принять на себя основной удар и дать время развернуться и уйти основному" каравану. Основной караван передвигался частями, чтобы максимально снизить урон в случае налета авиации или столкновения с засадой. Если караван все-таки нарывался на засаду, в бой вступала его многочисленная охрана. Однако спецназ справлялся с караваном в любом случае, даже когда численность охраны значительно превышала количество нападавших на караван "рейнджеров".

Джелалабадский батальон спецназа и небольшая группа пуштунов из племени моманд¹, некоторые кланы которого сотрудничали с провинциальным ХАДом, "сели на тропу" в районе Мазари-чина в провинции Нангархар в конце 1984 года. До границы с Пакистаном было рукой подать. Вдоль сухого русла легли в камни и замерли две роты. Лежать пришлось долго. Вставать, разводите костры было нельзя: любой пастух, заметь он их, сообщил бы о засаде моджахедам. Спецназовцы ждали условленного сигнала с той стороны границы о выходе каравана. Их лица покрылись щетиной, от постоянного напряжения устали руки и спины, нервы были на пределе. Прошли сутки, вторые. Они лежали в камнях, окруженные чужими горами и враждебно настроенным народом, в самом сердце Пуштунистана, где ни разу не ступала нога европейца.

Спецназовцы уже собирались уходить, когда по рации им передали установленный сигнал. Выхода каравана ждали не только они, но и агент ХАДа, заброшенный в базовый район моджахедов на территории Пакистана. Через несколько часов показалась неприятельская разведка. Каравану, шедшему за ней, позволили втянуться в сухое русло на всю глубину засады. Сотни вьючных животных везли реактивные снаряды, ящики с патронами, оружие. Под стать каравану была и охрана. В первые секунды нападения спецназовцев исламские партизаны находились в состоянии шока - кто посмел стрелять в них в их собственном доме, в нескольких часах ходьбы от базового района, когда в ушах еще звучала фраза "сафар ба хайр"², сказанная друзьями при расставании!..

Бой продолжался до вечера. Исламские партизаны сопротивлялись до конца.

ишаков и верблюдов насчитали более 220 трупов афганцев. Спецназ потерь практически не понес.

Хотя некоторые батальоны спецназа почти каждый месяц уничтожали по одному-два каравана, им не удалось наглухо перекрыть границу. По словам самих военнослужащих этих частей и по данным разведки, перехватывалось лишь 12-15% всех караванов, направляющихся в Афганистан. Иначе и быть не могло, ведь только в гористой приграничной местности провинций Нангархар и Кунар насчитывалось более 400 горных проходов, по которым моджахеды могли проводить караваны. Два батальона спецназа, размещенные в этих провинциях, были просто не в состоянии контролировать все ущелья на границе.

Обычно засадные действия против караванов проводились по следующей схеме: получив разведданные и подготовившись к операции, спецназ вылетал на вертолетах или выдвигался на бронетехнике в заданный район. Не доезжая до места будущей засады 15-20 километров, "рейнджеры" спешивались, а техника уходила на базу или ближайший советский сторожевой пост. Сами спецназовцы в быстром темпе совершали пеший переход к месту засады. Обычно такие переходы совершались ими ночью, чтобы как можно меньше посторонних глаз могло заметить их присутствие на вражеской территории. Кроме того, совершая переход от места высадки к месту засады, спецназ вводил в заблуждение разведку и добровольных помощников моджахедов, ибо те всегда внимательно следили за передвижениями техники спецназа. За ночь спецназ успевал достаточно далеко удалиться от дороги, которой проезжала его техника. Эту же цель - скрытно высадить группу - преследовало "ложное" зависание вертолетов спецназа над несколькими районами пустыни. Они имитировали высадку "рейнджеров", чтобы запутать моджахедов.

Прибыв на место засады и подготовив позиции для стрельбы, спецназ начинал поджидать "добычу". "Не засветиться", т. е. не быть обнаруженным противником, становилось для него главной задачей в этот период. Если моджахедам удавалось вычислить засаду, то в лучшем случае спецназовцы возвращались на свою базу с пустыми руками, а в худшем - подвергались нападению превосходящих сил противника. В подобной ситуации оказался небольшой отряд кандагарского батальона спецназначения в июне 1987 года.

Накануне от агента ХАДа поступила информация о том, что по зеленой зоне в районе кишлака Кобай проходит тропа, которой регулярно пользуются моджахеды для проводки караванов. В батальоне срочно сформировали небольшой отряд из 38 человек под командованием майора. Днем спецназ на технике вышел к заданному району, оставил ее на советском посту и с наступлением сумерек, разделившись на три группы, углубился в "зеленую зону", чтобы оседлать тропу. Две группы укрылись в брошенных афганских домах по обе стороны тропы, а третья оседлала сопку, с которой простреливалась вся местность вокруг. На самой тропе остались двое - сержант, таджик по национальности, изображавший "духа", и настоящий афганец - сотрудник службы безопасности. Им досталась опасная роль "подсадных уток". Они подзывали одиночных моджахедов, проходивших по тропе, и когда те спокойно подходили, наставляли оружие и брали их в плен. Затем из домов выходили несколько спецназовцев и отводили остолбеневших от изумления партизан в свое укрытие. За ночь в "сети" попали шестеро моджахедов.

В 7.00 произошла осечка. На тропе показались сразу два моджахеда. Когда им

автомат и открыл огонь. Его, конечно, сразу же расстреляли в упор, но засада была обнаружена. Эти двое оказались головным дозором большого отряда моджахедов, который шел прямо на засаду. Хадовец и сержант замешкались на тропе, и это стоило им жизни. В один миг они были скошены огнем нескольких десятков стволов.

Начался бой. В группе, которую возглавил майор, были самые тяжелые потери. Погибли семь человек. Не выдержав натиска моджахедов, группа покинула дувал и стала отходить по кладбищу. Это ее погубило. Почти все отходившие, за редким исключением, были перебиты, а сам майор буквально изрешечен пулями.

Вторая группа прочно засела в доме и отбила три натиска исламских партизан. Те атаковали в полный рост, разъяренные упорным сопротивлением. По воспоминанию командира группы, во время третьего штурма некоторые моджахеды добежали до самых дверей и окон дома. "Все они там и остались", - добавил он, подводя итог их атакам. Чтобы покончить со спецназом, партизаны подтащили безоткатные орудия и минометы. Однако толстые стены мешали им, снижая эффективность огня. Только один боец был убит прямым попаданием гранаты из РПГ. Остальные отделались ранениями.

Критическая ситуация сложилась, когда на помощь подъехала на грузовике группа в 30-40 моджахедов. Тогда-то и вступила в дело группа, засевшая на сопке, и ничем не выдавшая себя до сих пор, хотя на глазах погибали товарищи по службе. Они подпустили грузовик и расстреляли хладнокровно всех, кто облепил его со всех сторон.

Сражение разгоралось. К его месту спешили новые отряды моджахедов, возбужденно крича и размахивая оружием. Скорее всего, они, залив своей кровью всю округу, сломали бы сопротивление спецназа. Однако к полудню на помощь спецназовцам подошли основные силы с базы. Поддержка была затруднена тем, что в эти дни в батальоне шла замена бронетехники. Пригнали новые бронетранспортеры, оружие которых было еще в заводской смазке, а старые машины уже отправили в Союз. Пришлось действовать в основном колесами и автоматным огнем из бойниц.

Наиболее реальную поддержку оказали самолеты и вертолеты штурмовой авиации. Штурмовики СУ-25 поливали огнем зеленку, выкуривая моджахедов. Те отбивались, применив "Стингеры" и "Блоу-пайпы"³. Однако ни один самолет так и не был сбит. Обе противоборствующие стороны применили весь арсенал вооружений, которым они располагали. В конце концов, поле боя осталось за спецназом. Моджахеды отошли, оставив несколько сотен погибших "братьев по джихаду". Девять погибших и двадцать раненых - такова была плата спецназа за преждевременное обнаружение засады.

В окрестностях Кандагара довольно часто происходили ожесточенные сражения между спецназом и моджахедами. Как правило, одерживали победу "рейнджеры", ибо, проиграв бой, они подписали бы себе смертный приговор - вокруг была чужая земля и враждебно настроенный народ. Понимая это, спецназ всегда был морально настроен на победу, завоеывая ее порой в самых безвыходных ситуациях.

В сентябре 1985 года в районе Кандагара спецназом была устроена засада, ставшая известной всему миру. Ночью спецназовцы с помощью приборов ночного видения заметили несколько джипов, на малой скорости идущих по

горевших джипов среди мертвых тел, оружия и амуниции спецназовцы обнаружили толстый портфель с бумагами. Лишь на следующее утро они смогли подробнее ознакомиться с содержимым портфеля. В нем оказались личные вещи, документы, дневниковые записи, принадлежавшие американцу Торнтону. Сам хозяин остался в сгоревшей машине.

На первый взгляд, событие довольно заурядное. Одним караваном стало меньше. "Рейнджеры" забыли бы о нем, однако факт гибели американца с оружием в руках под Кандагаром был обнародован афганскими властями с советской подачи. И Кабулу, и Москве было важно продемонстрировать перед всем миром типичный образец "империалистического вмешательства во внутренние дела Афганистана". Убитый американец на какое-то время стал козырной картой советской внешнеполитической пропаганды. Разумеется, в нашей тогдашней прессе было упомянуто не об операции войск спецназначения, а о "выдающемся победе" афганских вооруженных сил. Этот боевой эпизод был упомянут в сводках многих крупнейших информационных агентств мира, а афганское министерство иностранных дел даже разразилось брошюрой "Миссия Торнтон", из которой следовало, что тот был чуть ли не резидентом ЦРУ.

Существовала еще одна причина, из-за которой спецназовцам надолго запомнилась ночная засада. Прошел слух, что погибший американец имел при себе в стальном ящике астрономическую сумму в долларах. Для командира группы и его заместителя слухи предстали в виде вызова в отдел госбезопасности. Полмесяца армейские чекисты добивались одного: показать место, где группа закопала мифический сейф... Проанализировав причины гибели своих караванов, моджахеды принялись совершенствовать тактику доставки оружия. В результате был выработан прием, позволявший, с большей гарантией доставлять грузы до боевых отрядов на местах. Раньше караван в полном составе после перехода границы продолжал движение вглубь Афганистана на расстояние 150-500 километров и больше. Из-за этого увеличивалась вероятность его уничтожения советскими войсками, так как, пока он шел по афганской территории, информация о нем добывалась органами разведки и поступала в спецназ или другие подразделения 40-й армии. Если информация подтверждалась или спецназу удавалось обнаружить караван, то его участь была predetermined - караван "забивали". Поэтому моджахеды все чаще, проведя караваны через границу на афганскую территорию, сразу же разгружали их в определенном месте и передавали "товар" в течение суток представителям различных боевых формирований оппозиции. Те перегружали свою долю на маленькие караванчики и вели их на свою территорию.

На первых порах этот прием действовал безотказно. Советская военная разведка и хадовские агенты доносили о прибытии крупных караванов, спецназ выходил на тропы, а результат был невелик. За счет рассредоточения караванов моджахеды повысили их живучесть и заметно ослабили воздействие авиации и спецназа, считавшихся главными врагами караванов.

Вскоре тактическая хитрость исламских партизан была разгадана, и спецназ стал активно практиковать налеты на базовые районы моджахедов, кишлаки, в которых могли располагаться стоянки караванов. Налеты по своим результатам были весьма эффективны и уступали лишь засадным действиям. Всего за два дня в январе 1986 года джелалабадский батальон спецназа разгромил базовый район исламских партизан в уездах Гошта и Мухмандара провинции Нангархар. Очень

асадабадского по разгрому базы моджахедов в местечке Карера провинции Кунар в апреле 1986 года. Однако, бой этот, в целом успешный для советской стороны, приобрел скандальную известность. Карера находится в горной местности на самой границе с Пакистаном. Столь редкие в условиях Афганистана кустарники и низкорослые деревья на склонах гор служили естественной маскировкой для укреплений и огневых позиций моджахедов. Обычно советская сторона ограничивалась бомбардировками этого района, и никогда раньше наземные войска не пытались штурмом взять базу исламских партизан. Спецназ отважился нарушить установленный порядок.

По всей видимости, в ходе боя "рейнджеры" вторглись на чужую территорию, что было немудрено, учитывая путаницу в картах. На помощь моджахедам выступили подразделения пакистанской пограничной стражи. Спецназовцы к этому моменту успели уничтожить до сотни моджахедов, остальные отступали в Пакистан. Однако с подходом малишей и свежих "духовских" резервов ситуация стала меняться не в пользу спецназа. Малиши в своих традиционных черных беретах атаковали напористо, и вскоре возникла реальная угроза окружения одного из батальонов. Чтобы выйти из затруднительного положения, пришлось срочно вызывать штурмовую авиацию. С территории соседней державы отходили под грохот авиабомб.

В штабе 40-й армии и в ставке представителя министра обороны СССР в Кабуле долго не могли успокоиться. Действия спецназа в очередной раз дали повод пакистанским властям заявить о "посягательстве советских оккупационных сил на территорию Пакистана".

Обычно налеты готовились заблаговременно, порой за 2-3 месяца до их осуществления. Данные, представленные резидентурами ГРУ, ХАДом, тщательно изучались и сопоставлялись, отрабатывались варианты действий. В это время за районом предстоящей операции устанавливали наблюдение. В случае активного сопротивления моджахедов к поддержке спецназовцев во время налета привлекалась штурмовая авиация и реактивная артиллерия с ее большим радиусом действия. Склады, укрепления, исламские комитеты брались штурмом не только на рассвете, но и ночью. При этом спецназ старался бесшумно снять неприятельские сторожевые посты, пуская в ход ножи и оружие с глушителями.

Личный состав подразделений спецназа был натренирован и профессионально, и психологически "работать" в афганских кишлаках в условиях полной темноты, озаряемой лишь вспышками выстрелов. Спецназ врвался в совершенно незнакомые кишлаки и крепости, круша все без разбору. В джелалабадском батальоне, например, использовались самодельные заточенные пики из кусков строительной арматуры. Такие пики носились на поясных ремнях в специально сделанных ножнах из обычного резинового шланга. По мнению солдат, самodelки были гораздо удобнее и эффективнее штатных штык-ножей или ножей разведчика. "Лучше работать молча, от стрельбы в дувале гложнешь", - прокомментировал один из "рейнджеров" свою приверженность к холодному оружию.

К сожалению, во время налетов гибло немало мирного населения, если операция проводилась в кишлаке, а не на базе моджахедов и горах. У спецназа в темноте и спешке не оставалось времени для расспросов. Секунда промедления могла стоить жизни любому бойцу спецназа.

Типичным примером налета на кишлак служит операция, проведенная

1985 года. Хадовские агенты заманили Пишу - одного из наиболее влиятельных лидеров исламской оппозиции на востоке Афганистана и его приближенных в небольшой кишлак под предлогом проведения переговоров. Ночью спецназ вошел в кишлак и вырезал всех, находившихся в нем. В числе погибших оказались 28 главарей различных отрядов исламского сопротивления. Шоковая терапия была настолько отрезвляющей, что почти на месяц активность моджахедов в данном районе была сведена на нет. По времени налеты были очень быстрыми. Сделав дело, спецназ взрывал захваченное имущество и боеприпасы, исключение составляло оружие - его забирали с собой. В назначенное время прилетали вертолеты или подходила "броня", чтобы забрать спецназ на базу. Количество сил, привлекаемых для участия в налете, могло быть различным в зависимости от характера задач и условий обстановки: от роты до нескольких батальонов, как это было в Карере.

Кроме того, в антикараванной борьбе спецназ прибегал к такому приему, как облет караванных троп. Благодаря облетам спецназ мог контролировать большие участки приграничной территории в дневное время. Ночью вертолеты не летали. Обычно для облета выделялось четыре вертолета: два МИ-8 для размещения досмотровой группы и два МИ-24 для огневой поддержки. В сутки, как правило, совершалось 2-3 вылета каждый продолжительностью до 90 минут. В перерывах между облетами производилась дозаправка топливных баков и пополнение боекомплекта.

Внезапное появление низколетящих вертолетов, настолько шокировало моджахедов, что иногда они даже не успевали приготовиться к стрельбе. Сразу за звуком вертолетных двигателей они слышали грохот пулеметных очередей, и последнее, что моджахеды успевали увидеть - заходящий в атаку вертолет... Однако, в условиях горной местности спецназу на вертолетах не всегда удавалось выходить победителем из такого рода операций. Так, группа спецназа из газнийского батальона во время облета своей зоны ответственности обнаружила несколько грузовиков, направляющихся со стороны Пакистана вглубь афганской территории. По требованию спецназа грузовики остановились. Два вертолета приземлились, чтобы досмотровая группа проверила машины и груз. В этот момент со стороны сопки, находившихся вблизи, на спецназ обрушился шквал огня. Оказалось, рядом располагались отлично замаскированные в камнях позиции моджахедов. Обе приземлившиеся вертушки были сожжены. Из группы погибли шесть человек, в том числе лейтенант - командир группы.

Во время облетов уничтожались не только мелкие группы моджахедов, одиночные машины, всадники и мотоциклисты из неприятельского лагеря, но и достаточно крупные караваны. В подобных случаях досмотровая группа завязывала бой с охраной каравана, одновременно вызывая реактивную авиацию и подразделения спецназа с основной базы для завершения разгрома каравана и блокирования возможных путей его отхода.

В мае 1987 года в районе Апчикан группа баракинского спецназа во время облета наткнулась на большой караван моджахедов. "Рейнджеры" высадились и перекрыли дорогу. Охрана попыталась сбить спецназовский заслон, но не выдержала вертолетного огня и стала отступать. Через несколько минут по каравану нанесли мощный удар несколько пар штурмовиков СУ-25, прилетевших с баграмской авиабазы. Разгром каравана довершили прибывшие на помощь роты спецназа из пункта постоянной дислокации батальона. Кроме

животных, груженных боеприпасами и оружием. Именно во время облета был захвачен первый "Стингер" - американский зенитно-ракетный комплекс, который произвел переворот в тактике действий советской авиации в Афганистане, и свел фактически на нет ее безраздельное господство в афганском небе. Ближе к земле самолеты и вертолеты уже летать не могли из-за опасности быть сбитыми огнем стрелкового оружия, а на средних высотах их успешно поражал Стингер". Спецназу была поставлена задача по захвату нескольких образцов этого эффективного оружия. В случае удачи участникам захвата была обещана "Золотая Звезда".

Группа кандагарского спецназа, закончив облет, возвращалась на базу, когда среди невысоких заснеженных сопков была замечена группа всадников. Стоило вертолетам зайти на цель, как всадники сразу же открыли огонь. Спецназовцы из иллюминаторов заметили, как один из моджахедов сорвал со спины какое-то оружие, напоминавшее гранатомет, и произвел выстрел. Видимо, моджахед торопился, и его выстрел оказался неудачным. В считанные минуты сопротивление противника было подавлено. Спецназовцы высадились из вертушек, чтобы собрать оружие и документы. Некоторые моджахеды, которые до этой минуты упали на землю, чтобы притвориться убитыми, вскакивали и пытались бежать. Их преследовали и добивали. Среди "беглецов" оказался и незадачливый стрелок. Возле его трупы подошедшие спецназовцы нашли столь вожаделанный "Стингер".

Заказанный командованием трофей был доставлен в Кабул, но генералы, получив его, начисто забыли о своем обещании дать непосредственным участникам звание "героя". Офицер, который лично уничтожил моджахеда со "Стингером", был отмечен лишь орденом "Красной Звезды". На большее он, по мнению начальства, не потянул...

Наибольший эффект облеты имели в южных провинциях, где относительно ровная местность просматривалась с вертолетов на большом расстоянии, и моджахедам было трудно укрыться. В афганской войне существовали свои неписанные правила, которым старались подчиняться, чтобы сохранить жизнь. Стоило вертолету со спецназом зависнуть над едущей автомашиной или группой кочевников, как те должны были остановиться. В случае неподчинения экипаж вертолета давал предупредительную очередь из пулемета, установленного в пилотской кабине, перед движущимся объектом. Обычно даже самый туго соображающий кочевник или крестьянин после этой очереди понимал, что от него хотят, и останавливался. Если на земле игнорировали предупредительный сигнал, вертолеты открывали огонь на поражение из всего бортового оружия. Однако в любом случае, будь то мирный караван, рейсовый афганский автобус или наоборот - транспорт моджахедов, досмотровая группа высаживалась, чтобы произвести проверку объекта или в случае сопротивления добить моджахедов и забрать их оружие. Возможные варианты действий зависели от конкретной обстановки.

Сродни облетам было совершение рейдов на бронетехнике. Военнослужащие спецназа на БТРах порой до десяти суток, не заходя на базу, колесили по своему региону, "наводя порядок" в пустыне. Эти действия были менее результативны, чем засады, но и они доставляли моджахедам немало беспокойства, отличаясь тем, что столкновение было неожиданным для обеих сторон, если, конечно, спецназ не устраивал засаду где-нибудь на тропе, спрятав свои бронемашину

Саркала под Аргандабом выехал пикап "тойота", кузов которого был набит исламскими партизанами, вооруженными стрелковым оружием и гранатометами. Спецназовцы первыми пришли в себя от неожиданности. Дело происходило ночью, но, несмотря на темноту, их огонь был точен. В считанные секунды они изрешетили машину и всех сидящих в ней.

Рейд нельзя было отнести к числу увеселительных прогулок "за скальпами". Рядовой из Лашкаргахского батальона спецназа свидетельствует: "С базы мы вышли на трех бэтээрах. На вторые сутки напоролась на засаду. Это произошло в районе Мусакалан в провинции Гильменд. Наша головная машина была подбита из РПГ. Пулеметчик сразу погиб, его снесло вместе с башней. Мы пересели на другой бэтээр. Вскоре подбили и его. Он взорвался - сдетонировали боеприпасы. При взрыве многие погибли или обгорели, Меня сбросило с брони на землю. Когда я вскочил и стал перебегать в сторону последнего невредимого бронетранспортера, меня ранило пулей. Провалился час без сознания, потерял много крови. Затем меня вынесли свои и вызванной вертушкой отправили на базу под нож хирургов".

Естественно, спецназ во время своего пребывания в Афганистане не ограничивался проведением чисто боевых действий. Ему приходилось заниматься и разведкой. Обычно мелкие группы по 12-18 человек занимали позиции вдоль караванной тропы и, замаскировавшись, фиксировали все передвижения исламских партизан. Полученные данные передавались по рации на базу, а при необходимости вызывалась авиация для уничтожения обнаруженных целей.

Часто спецназ проводил операции, которые можно назвать "маскарадом". Переодевшись в афганскую национальную одежду, спецназовцы под видом мирного каравана или отряда моджахедов проникали на территорию, которая контролировалась исламской оппозицией, и нападали на застигнутых врасплох афганцев. Обычно эти операции проводились с участием сотрудников ХАДа и их агентов из числа местных жителей. Однако, осуществление подобных операций осложнялось многими обстоятельствами.

Солдаты были одного возраста, а моджахеды, за которых они должны были себя выдавать, наоборот, не являлись одноклассниками. Среди них были и юнцы, и старики, и мужчины среднего возраста. На отращивание бород и усов солдатам также требовалось время, не предусмотренное воинскими уставами. К тому же, многим не нравилось красить свои волосы в радикально черный цвет, после чего в течении нескольких месяцев их было невозможно отмыть до природной окраски. Даже походка солдата, пусть и облаченного в афганскую одежду, выдавала в нем европейца. Для участия в "маскараде" старались отобрать побольше уроженцев Кавказа и Средней Азии из числа военнослужащих, но и они не имели привычки носить на ногах афганскую национальную обувь типа сандалий под названием "чапли". От них быстро уставали ноги. Особенно смешно выглядели спецназовцы с квадратными плечами, на которых чуть ли не лопалась по швам паранджа из тонкой ткани.

Для успешного проведения "маскарадных" операций спецназ прибегал к различным хитростям и уловкам, чтобы сбить с толку моджахедов. Обрядиться в истрепанную одежду местного жителя - дело простое. Куда труднее выйти незамеченным со своей базы. Ведь все дороги и подступы к ней находились под постоянным наблюдением исламских партизан. Стоило колонне бронемашин со

противника немедленно оповещала "своих" по радиостанции о выходе "рейнджеров". Моджахедам с передатчиком было вовсе не обязательно постоянно торчать у ворот базы, и ждать, пока их накроют с помощью службы радиоперехвата. Они могли за десяток километров от базы спецназа оборудовать укрытие на какой-нибудь горе, откуда бы просматривалась интересующая их местность. А у ворот базы оставался подросток или старик, не вызывающие подозрений.

Почти каждый афганец старше четырнадцати лет употребляет несвар, который хранится у него в небольшой, величиной с детскую ладошку, металлической коробочке. Тщательно отполированная внутренняя сторона крышки такой коробочки с успехом заменяет зеркало, и солнечный луч, отраженный ею, виден с горы за много километров. Подобной сигнализацией пользовались в Афганистане и сто, и двести лет назад. Мусульмане хорошо понимали, чем может обернуться для них внезапное появление "рейнджеров" на караванных тропах, поэтому их внимание привлекала в основном бронетехника, покидающая базу. Грузовики, служившие для хозяйственных нужд, интересовали их гораздо меньше. Зная об этом, в кандагарском батальоне спецназа нашли оригинальное решение проблемы незаметного для глаз моджахедов выхода с базы.

У спецназовцев для "маскарадных" действий имелось несколько трофейных колесных вездеходов марки "Тойота" и "Симург". Перед выходом на операцию эти машины вкатывали по доскам в кузова мощных отечественных КРАЗов и ЗИЛов. Затем над кузовами грузовиков натягивался тент. Под ним же прятались переодетые под афганцев участники "маскарада", и небольшая колонна грузовиков покидала базу. Выйдя на шоссе и проехав по нему, колонна сворачивала на грунтовку или в сухое русло какой-нибудь речушки. В укромном месте, защищенном со всех сторон берегами реки или сопками, "Симурги" и "Тойоты" по доскам выкатывались на землю. В них немедленно рассаживались "рейнджеры". Через минуту типичный "духовский" караван растворялся в пустыне. Грузовики же, сделав небольшой круг, выезжали на шоссе и возвращались на базу.

По воспоминаниям военнослужащих этого батальона, подобные маскарады весьма часто проводились летом и осенью 1987 года, и моджахеды попадались на эту уловку. Используя момент внезапности, спецназовцы как снег на голову сваливались на исламских партизан. Был случай, когда "маскарадный" караван подкатил к речке. К головному вездеходу неожиданно из укрытия вышли два моджахеда. Приняв спецназовцев за своих, они вызвались показать брод. В благодарность за услугу спецназ прихватил с собой на базу обоих.

Анализ действий спецназа в Афганистане в период с 1984 по 1989 год подтверждает его высокую результативность. Батальоны спецназа, составлявшие лишь 5% от численности личного состава 40-й армии, давали до 60% результата всех советских войск, находившихся в Афганистане. Однако, и спецназу было не под силу подавить активность моджахедов и перекрыть границу.

Сами солдаты и офицеры спецназа, чтобы о них не сложилось впечатление как о каких-то суперменах, признавали, что лишь, в один из трех выходов с базы они имели столкновения с противником. И это при условии, что спецназ в отличие от всех остальных советских частей, не был обременен во время операций гигантскими, неповоротливыми колоннами грузовиков, танков и артиллерии, что в распоряжении спецназа всегда была вертолетная авиация, и офицеры спецназа

спецназ имел возможность отбирать для себя солдат из числа прибывших новобранцев. Многие другие части были лишены подобного отбора, и туда попадали служить скопом больные, физически неразвитые и иногда практически неграмотные призывники.

Сам престиж службы в элитных подразделениях советской военной разведки ко многому обязывал каждого солдата и офицера спецназа и служил сильным средством в психологической подготовке этих людей к боевым действиям. Военнослужащие спецназа наносили очень ощутимые потери моджахедам, теряя при этом во много раз меньше. Вопросы идеологии и политики их интересовали мало. Они не мучились проблемой, "насколько моральна эта война". В Афганистане они выполняли свою обычную работу и стремились делать ее добросовестно и профессионально.

- 1 Моманды - пуштуны племени моманд, проживающего на востоке Афганистана.
 - 2 "Сафар ба хайр" - Счастливого пути! (дари)
 - 3 "Стингер" - переносной зенитно-ракетный комплекс производства США.
- "Блоупайп" - аналогичный английский комплекс.

Глава 5. "Пожарная команда" из Кабула

История афганской войны имеет свои белые пятна. Ни в советских, ни в достаточно многочисленных западных исследованиях почти не появлялось упоминание об отдельной роте спецназначения, введенной в Афганистан в 1980 году и дислоцировавшейся в Кабуле. В самой афганской столице, буквально наводненной советскими войсками, мало кто знал, что у подножья печально известного холма Таджбек снова появились парни из спецназа.

Когда "джихад" только набирал обороты, советскому командованию казалось, что одной роты этих войск будет вполне достаточно для подавления наиболее опасных очагов вооруженного исламского сопротивления по всему Афганистану. Дальнейшее развитие событий выявило ошибочность подобной точки зрения. Хотя рота и была превращена в "пожарную команду", которую перебрасывали из одного конца страны в другой, ее сил не хватило бы на противостояние моджахедам даже в одной провинции. Лишь к весне 1985 года, когда вдоль границы с Пакистаном и Ираном встали батальоны спецназа, роту перестали "гонять" по всему Афганистану и перенацелили на ведение боевых действий исключительно в провинции Кабул.

Служба в кабульском гарнизоне, который составлял почти четверть от численности всех советских войск, находившихся в Афганистане, имела свои ощутимые плюсы. Кабульские базары потрясали взоры самых требовательных покупателей разнообразием товаров, привезенных со всего мира. В отличие от провинциальных гарнизонов, здесь достаточно легко решался "женский вопрос". Вольнонаемных служащих-женщин, работавших в госпиталях, столовых, всевозможных штабных канцеляриях было в избытке. Транспортные автомобильные колонны и самолеты ежедневно доставляли в Кабул достаточное количество продовольствия. Несмотря на процветающее разворовывание продовольственных грузов и их дальнейшую перепродажу в афганские торговые лавки, обеденные столы в кабульском гарнизоне были гораздо богаче, чем на периферии. Каждая советская артистическая знаменитость того времени,

офицеров. Здесь же регулярно показывались относительно новые художественные ленты.

По-разному служилось людям в кабульском гарнизоне. Одни подразделения регулярно ходили на операции, другие все время стояли в городе. На долю спецназовцев выпала беспокойная и опасная работа - рота "не вылазила" из боевых действий. Как правило, на самой базе одновременно отдыхали не больше одной-двух групп, остальные группы "сидели" в горах на караванных дорогах.

С самых первых дней своего присутствия в Афганистане рота укомплектовывалась кадровыми офицерами и прапорщиками спецназа, а ее руководство имело специальное разрешение, подписанное начальником штаба армии, о первоочередном отборе новобранцев, прибывших на войну из Союза. Во все остальные подразделения, включая воздушно-десантные и десантно-штурмовые, отбор пополнения проходил во вторую очередь. Рота считалась одним из наиболее результативных и наиболее подготовленных в профессиональном отношении подразделений 40-й армии. Это подтверждается теми потерями, которые понесли спецназовцы в ходе боевых операций. Например, в период 1984-1986 г. в роте погибли всего три человека, и девять было ранено. Для постоянно воюющего подразделения это - минимальные жертвы.

О степени результативности работы "рейнджеров" можно судить по многочисленным успешным операциям роты. Одна из таких операций была проведена в ноябре 1985 г.

После боевых действий в районе Сафед-санг по гардезской дороге советские войска возвратились на свои зимние квартиры. Лишь рота спецназначения не ушла вместе со всеми, а затаилась там, где только что прошли бои. Моджахеды были в полной уверенности, что опасность миновала. Этим воспользовались "рейнджеры". Они перекрыли ущелье, по которому проходила караванная тропа. Их расчет был точен: на территории, подконтрольной моджахедам, скопилось множество караванов, так как шла операция. Теперь моджахеды должны были возобновить проводку караванов.

Одна группа спецназа устроила засаду в заброшенных крестьянских домах вдоль тропы на выходе из ущелья. Другая - там, где начиналось ущелье. Ждали недолго. Едва стемнело, на тропе появился караван с охраной, направлявшийся со стороны Гардеза в баграмскую долину. Исламские партизаны везли стандартный груз - оружие, боеприпасы, медикаменты. Спецназ подпустил их поближе и открыл огонь из всего имеющегося оружия. Моджахеды пытались отбиваться, но на открытом месте много не навоюешь против тех, кто залег за толстыми глинобитными стенами. Часть моджахедов была перебита, другая бросилась с тропы в сторону скал, чтобы уйти от губительного обстрела. Однако гора была столь отвесной, что шансы афганцев вскарабкаться на нее оказались равны нулю. Спецназ продолжал вести огонь. Оставшиеся в живых моджахеды решили покориться неизбежному и сдаться в плен. С криками "Гаслим мишавим" они развернулись и побежали к дувалу, где была засада. Метров за 50 до нее они напоролась на минное поле, которое установили "рейнджеры" перед тем, как занять позиции. В плен брать стало некого.

Вторая группа заметила несколько часов спустя в своем секторе какое-то движение. Открыли огонь наугад. В ответ не раздалось ни единого выстрела. Уже утром, когда о ночном происшествии забыли, один из спецназовцев, осматривая

возле фруктового сада недалеко от тропы. "Рейнджеры" решили проверить груз, притороченный к животным. Велико было их удивление - во выюках и мешках оказалось оружие. Здесь же лежали убитые лошади и верблюды с аналогичным грузом. Было найдено и несколько трупов моджахедов. В сад по земле тянулись кровавые следы...

Улов за ночь был внушительным - десятки единиц автоматического оружия, несколько безоткатных орудий, шесть переносных зенитно-ракетных комплексов "Стрела-2" польского производства, большое количество разнообразных боеприпасов. Собрав трофеи, спецназ поспешил покинуть район, так как моджахеды, подсчитав количество своих противников, постарались бы уничтожить роту.

Вернувшись с операций, рядовые спецназовцы отсыпались и готовились к новым выходам, а их командиры в это время были вынуждены еще и сражаться за "место под солнцем" для всей роты. Жизнь на территории штабного городка имела свои недостатки. Казалось бы, подразделение, дающее постоянный отличный "результат" и несущее при этом минимум потерь, должно быть окружено особой заботой командования. Речь не идет о каких-то умопомрачительных привилегиях. Они даже и помыслить не могли о двухнедельных развлечениях в самых экзотических районах земного шара после полугодичного пребывания на "фронте". Подобная практика существовала в американских войсках во время войны во Вьетнаме. В социалистическом лагере существовала иная шкала ценностей. Спецназовцы были бы уже рады, если бы им со складов выдавалось то, что просто необходимо для службы и ведения боевых действий.

Штабная публика любила щеголять в тельняшках и экспериментальной полевой форме, считая, что это придает ей особую мужественность и импозантность в глазах гарнизонных "дам". Со складов тащили безбожно. В результате рота, для которой предназначалась форма, оставалась ни с чем. Чтобы получить те же самые "тельники" или маскхалаты, командиру роты приходилось выдерживать бой на складах и в канцеляриях вещевых служб. Легче было лечь, на вражескую амбразуру, чем выбить из интендантов летние спецназовские комбинезоны песочного цвета.

Война в Афганистане показала, что обмундирование и снаряжение советских военнослужащих безнадежно устарело и не отвечает требованиям войны. Именно поэтому каждый солдат стремился на операции раздобыть для себя трофейный нагрудный подсумок для магазинов, рюкзак и спальный мешок иностранного производства. Армейские сапоги и ботинки также мало подходили для походов по горам. Приходилось на свои деньги покупать кроссовки, которых хватало ненадолго. За все время войны советское командование так и не смогло решить эту "архисложную" задачу. Впрочем, по воспоминаниям одного из командиров рот, в 1986 году его срочно вызвали в штаб, чтобы продемонстрировать "новинку" оборонной промышленности. На столе в кабинете начальника стояла пара прекрасных кроссовок грязно-зеленого цвета. Командира роты заверили, что вскоре все его подчиненные будут щеголять в горах в подобной обуви. Естественно, эти кроссовки он увидел в первый и последний раз. Эксперимент завершился, не начавшись.

Подобная история произошла и с нагрудными подсумками для боеприпасов. В роту спецназа привезли десять образцов нового изделия - экспериментальные

качества. Спецназовцы до последнего дня своего пребывания в Афганистане продолжали выходить на операции, таская на себе подсумки, пошитые в Китае и Пакистане. Советская оборонная промышленность производила прекрасное стрелковое вооружение, замечательную бронетехнику и самолеты, боеприпасы высокого качества, но когда нужно было позаботиться о конкретном человеке - она выдавала низкосортную продукцию, будь то одежда, медикаменты или консервированная пища.

Существовала другая напасть, которая преследовала роту между выходами в горы. Старшие начальники, кто в открытой форме, а кто завуалировано, требовали для себя сувениров - сабли и кинжалы, инкрустированные кожаные ремни моджахедов с карманчиками для патронов, спальные мешки и прочие вещи, которые доставались спецназу в качестве трофеев. И этот натиск начальства удавалось отбить далеко не всегда...

Благодаря своей высокой профессиональной подготовке военнослужащие роты умудрялись выбираться без поражений из критических ситуаций. На весь Афганистан наделала шума десантная операция в районе Заранджа на афгано-иранской границе зимой 1983 года.

Кроме роты спецназа в ней приняли участие два десантно-штурмовых батальона. После высадки с вертолетов перед войсками стояла задача разгромить базу моджахедов, расположенную в долине между двумя грядами невысоких гор. В соответствии с планом операции агенты ХАДа должны были обозначить кишлак, в котором находилась база, треугольными полотнищами материи белого цвета, острые углы которых указывали бы направление на кишлак. Полотнища предполагалось разместить на нескольких вершинах этих двух гряд.

Однако, то ли из-за ошибки летчиков, то ли из-за ошибки агентов высадка десанта произошла совершенно в другом районе. Полотнища были разложены, кишлак стоял на месте, горный рельеф полностью соответствовал макету, по которому "рейнджеры" готовились к операции. Десант высадился и очутился в... Иране.

Бой длился недолго. Нападения явно не ожидали, поэтому сопротивление было слабым. Когда с кишлаком было покончено, спецназовцы обратили внимание на то, что некоторые из погибших моджахедов одеты в незнакомую иностранную военную форму с погонами. В центре кишлака находился просторный дом, над которым развевался трехцветный флаг. Ничего подобного спецназовцы раньше на разгромленных базах моджахедов не встречали.

Из короткого допроса пленных стало ясно, что высадка произошла в Иране. Тот кишлак, в котором должна была проводиться операция, оказался за спинами спецназовцев в 15 километрах. В этой же деревне размещался пост иранской пограничной стражи и небольшая перевалочная база моджахедов. Окончательно картина прояснилась под утро, когда десантники были атакованы иранским мотопехотным батальоном, действия которого поддерживала с воздуха пара "Фантомов".

Воевать с армией соседнего государства спецназовцы не собирались. Надо было срочно убираться восвояси. Настроение у "рейнджеров" упало до крайней черты: мало того, что они не выполнили поставленной задачи, так еще и "наследили" в чужой стране. По словам участников вылазки, отступление они пределали мастерски - бежали быстро. Рота практически не понесла потерь.

В Кабуле их и летчиков уже ждал большой скандал, так как Иран после этого

протеста и созыва внеочередной ассамблеи ООН. Кремлевскому руководству с большим трудом удалось сгладить ситуацию. Наград за "вояж" в соседнюю страну никому не дали, но военнотружущие роты ходили по Кабулу героями, а их авторитет в глазах столичного гарнизона неизмеримо вырос. По частям гуляли кем-то сочиненные байки, что "победа" "рейнджеров" под Заранджем была столь убедительной, что Тегеран был близок к капитуляции.

С 1985 года рота стала действовать только в Кабульской провинции. Работы ей хватало, так как почти вся территория вокруг города (за редким исключением) находилась под контролем оппозиции. Часто рота выходила на "маскарадные" операции. Приходилось проявлять максимум осторожности и осмотрительности, так как опасность исходила не только со стороны моджахедов, но и со стороны советской и афганской правительственной авиации. Одетых в афганскую национальную одежду, с оружием в руках спецназовцев могли принять за исламских партизан и расстрелять с воздуха. Подобные случаи изредка происходили в Афганистане.

К проведению "маскарадных" операций рота была готова "от и до". Каждый военнотружущий имел комплект национальной одежды, два комплекта летней и зимней формы афганской армии. По личному распоряжению Бабрака Кармаля роте было передано два новеньких колесных вездехода "Датсун". К ним прилагался целый набор номеров, как частных, так и государственных.

Маскировка во время выходов на задания была столь искусной, что однажды местные жители приняли головной дозор спецназовцев за моджахедов и попросили их не ходить по тропе, так как недалеко размещался сторожевой пост советских войск. Рота псевдомоджахедов рисковала забираться и такие уголки провинции, куда крупные силы советских войск могли войти только при артиллерийской и авиационной поддержке. При подготовке к операциям в роте в основном использовали информацию, поступающую из ГРУ и ХАДа. Наиболее точной, по мнению командного состава роты, обычно оказывалась информация афганской службы безопасности. Контакты между оперативными офицерами ХАДа и ротой послужили почвой Для одной криминальной истории, в свое время взбудоражившей Кабул. По одной из неофициальных версий, в результате интриг в самом министерстве афганской госбезопасности один из ее чинов тесно сотрудничавший с ротой спецназа, оказался неудобным в среде своего руководства. Скорее всего стал жертвой внутривластных интриг между группировками "Хальк" и "Парчам". Его решили скомпрометировать, поймав на факте "незаконных действий" совместно со спецназом.

Во время одной из операций в пригороде Кабула малочисленная группа спецназа под прямым руководством командира роты и его заместителя вместе с этим офицером афганской госбезопасности произвела налет на дом одного состоятельного торговца, который, по разведанным, одновременно являлся видным деятелем исламского подполья в столице. Во время операции было убито три гражданских лица из числа родственников торговца и его прислуги, а в доме был произведен обыск.

Вскоре офицер ХАДа был арестован, а министерство безопасности выступило с заявлением, что налет был произведен по сговору между спецназовцами и данным сотрудником безопасности с целью грабежа. Торговец же объявлялся совершенно невинным лицом, а ущерб, причиненный ему, подлежал компенсации. Афганская сторона обратилась с требованием в советскую военную

арестованы. Их судили, но впоследствии оба были амнистированы. Эта история произошла накануне вывода роты спецназначения из Афганистана весной 1988 года. Она была отправлена в Союз в числе первых подразделений спецназа, окончивших свою боевую деятельность на афганской войне. Рота провела на "передовой" восемь трудных лет, больше, чем остальные части спецназа. За плечами военнослужащих роты были победы в проигранной войне, поэтому они покидали Кабул с гордо поднятой головой.

Глава 6. "Прощайте, горы"

Осень восьмидесят восьмого года вся 40-я армия встречала в ожидании приближающегося вывода из Афганистана. Широкомасштабные боевые действия после нашумевшей и относительно широко освещенной в советской печати операции "Магистраль" в декабре 1987 - январе 1988 гг. в Хосте уже не велись. Летом отгремели последние крупные бои с участием "ограниченного контингента" под Кандагаром, в Кундузе, который в результате предательства местных афганских властей был сдан моджахедам. Локальные столкновения между подразделениями "контингента" и моджахедами имели место в некоторых других районах. В целом размах боевых действий резко снизился. Никто не хотел умирать "под занавес" - ни русские, ни "афганцы". С мая 1988 г. под контролем военных наблюдателей ООН начался вывод войск в Союз. Зона действия Советской Армии постепенно отодвигалась все дальше на север Афганистана. Лишь авиация продолжала совершать рейды в южные провинции, нанося удары по позициям и караванным тропам исламских партизан. Во время одного из таких налетов был сбит штурмовик полковника А. Руцкого, ставшего впоследствии вице-президентом России.

На Саланге, вдоль стратегической дороги, связывающей Кабул с Советским Союзом, началось никем не санкционированное "перемирие". Моджахеды, которых привыкли разглядывать только в прицел, без опаски выходили на дорогу к советским сторожевым заставам, они не стреляли, хотя оружие держали наготове. Велся довольно оживленный обмен сигаретами, тушенкой и прочим нехитрым товаром военного времени. Главные противоборствующие стороны были счастливы расстаться друг с другом.

Оппозиционеры, многие из которых за долгие годы войны научились довольно сносно изъясняться по-русски, говорили солдатам: "Уходите быстрее. Мы вас не тронем. Мы сменим вас на постах". Десятилетняя борьба за обладание Салангом подходила к концу. Моджахедам было важно продемонстрировать перед всем миром свои возросшие возможности, свою силу. Не вступая в сражения с крупными соединениями советских войск, они предприняли ряд вылазок в районах, примыкавших непосредственно к южной границе Союза. Были обстреляны пограничные наряды, несколько населенных пунктов и застав. В советском приграничье агентура моджахедов стала минировать дороги, по которым осуществлялось патрулирование границы. Эти действия носили не только чисто рекламный характер. Они, по замыслу наиболее непримиримо настроенных лидеров оппозиции, должны были послужить толчком для разжигания "джихада" на территории противника.

Партизаны образца 88-го года, одетые преимущественно в советскую и пакистанскую камуфлированную полевую форму, вооруженные АК-74 и

исключительно крестьянскую одежду, обувались в галоши и чапли, держали в руках кремневки и дедовские сабли, помнящие сражения англо-афганских войн. В отличие от советского воинского контингента, личный состав которого обновлялся каждые два года, эти моджахеды стали профессионалами: они воевали десятый год.

Снисходительно посматривая на уходящие войска, они считали их вывод своей заслугой. Исламские партизаны чувствовали себя победителями в этом противостоянии, хотя и потеряли в десятки раз больше, чем "проигравшие". В те дни у них не было сомнений в скорой победе над марксистским режимом в Кабуле. Именно поэтому они не хотели крупномасштабных столкновений с советскими частями напоследок, экономя силы на будущее. По всем прогнозам, афганские правительственные войска, оставшись одни, долго не выдержали бы.

В самом "контингенте" люди тоже понимали, что афганская эпопея и все, связанное с ней, уходит в прошлое. Этот "контингент" заметно отличался от того, который зимой 79-80 гг. входил в Афганистан. Практически все точки над "Г" были расставлены, всем стало ясно, что в затянувшейся войне "интернациональным долгом и братской помощью" не пахнет, что в Союзе вернувшихся из Афганистана ждет масса проблем. Проблем не только экономических, бытовых, но и политических, морально-нравственных. Война была непопулярна в народе, а общество, которое палец о палец не ударило, чтобы выступить против нее на первом этапе пребывания в Афганистане советских войск, вдруг начало обвинять не только брежневскую верхушку за участие в войне, но и рядовых исполнителей приказов. Война началась при "застое" - заканчивалась при "перестройке". Из Афганистана уходили те, кто в своем большинстве в 79-м бегал в начальные классы средней школы. По армии катилась волна приобретательства. Ведь чеки с красной полосой* должны были скоро исчезнуть, пропасть с последним солдатом, покинувшим Афганистан. Спекуляция, продажа казенного имущества, всевозможные махинации, которые имели место все годы дислокации советских войск в этой стране, приняли еще более широкий размах. Подобная ситуация наблюдалась и в американской армии накануне ее вывода из Вьетнама...

Одновременно, несмотря на затухание военных действий, нарастал шквал незаслуженных наград, в том числе самого высокого достоинства. Война заканчивалась, и повесить на грудь орден или медаль торопились многие, особенно только-только приехавшие, но так и не понюхавшие по-настоящему запах крови и пороха. Недавно прибывший заместитель командира одной из бригад спецназа ввиду близкого вывода выписал себе наградной лист на орден "Боевого Красного Знамени" за один-единственный вылет на вертолете в район боевых действий.

В "чекушках"² выбросили множество западной бытовой электротехники, чтобы поднять моральный дух и благосостояние "контингента", а на дорогах, по которым уходили войска, появились офицеры-наблюдатели ООН, чей дневной заработок в условиях, близких к гостиничным, превосходил годовую зарплату советского офицера в пересчете на валюту. В подразделения впервые за всю войну стали свободно допускаться западные корреспонденты, многие из которых уже успели неоднократно побывать в отрядах моджахедов. Тем не менее, война продолжалась, и военнослужащие продолжали погибать в последние дни и месяцы. Количество потерь, пусть и снизившихся чрезвычайно, регулярно

Кабула, Шинданда и Баграма продолжали свою работу, запаивая гробы с трупами в цинковую оболочку.

Спецназ не был исключением из правил. Общая обстановка в Афганистане после подписания женевских соглашений, психологический настрой, царивший в среде военнослужащих 40-й армии, наложили на его бойцов свой отпечаток. Однако спецназ, в отличие от подавляющего большинства других подразделений и частей армии, продолжал воевать с моджахедами, и практически каждую ночь его группы уходили на караванные тропы. Для этих людей война продолжалась.

К сентябрю многие части специального назначения покинули Афганистан, а несколько оставшихся батальонов сменили пункты прежней дислокации. В мае-июле все войска спецназначения ушли из южных и юго-западных провинций Афганистана, передав обжитые базы местным правительственным войскам.

(с)Алексей Чикишев, 2000

Алексей Чикишев

Спецназ в Афганистане

Задача по перекрытию границы была снята со спецназа.

С одной стороны, вывод воспринимался как счастливое событие, но с другой - оставление баз, являвшихся "домом" в течение четырех лет, - оставлял на душе печальный осадок. Спецназовцы помнили о тех, для кого база оказалась последним пристанищем перед уходом в небытие. Там, где не оставалось сомнений, что после ухода спецназа с базы она сразу же будет занята исламскими партизанами, минировались сооружения и оставляемое имущество.

Так, например, колонна асадабадского батальона успела удалиться лишь на несколько километров от своего городка, когда с покинутой базы донеслись гулкие хлопки противопехотных мин, установленных спецназовцами перед уходом. Это подорвались самые любознательные и нетерпеливые моджахеда, давно наблюдавшие за базой и спустившиеся с окрестных, высот, чтобы поживиться "материальными ценностями". Последний аккорд спецназа обошелся противнику в десятки убитых и раненых.

В тактике подразделений спецназа в последние месяцы пребывания в

е. операции с повышенной степенью риска, которые могли повлечь немалые людские потери. Командиры берегли солдат, понимая, что война на исходе. В некоторых батальонах за месяц до вывода вообще прекратились выходы на операции. Военнослужащие паковали имущество и впервые за годы войны занялись строевой подготовкой на плацу. Моджахеды не замедлили воспользоваться внезапно наступившей передышкой. Спецназ еще не ушел с базы, а кандагарский аэродром стал подвергаться регулярным обстрелам со стороны исламских партизан. Раньше подобные попытки были бы пресечены самым жестоким образом, но теперь моджахеды могли действовать безнаказанно.

Два батальона спецназначения не были сразу выведены в Союз, а оставлены в Кабуле. Тем не менее, смена знакомых, пройденных вдоль и поперек районов на новые привела к увеличению случаев гибели военнослужащих этих подразделений. Баракинский батальон, покинувший свою базу в мае и вставший на временную стоянку на южной окраине афганской столицы, столкнулся с сильным противником на новом месте. Если за полгода, предшествовавших оставлению базы в Бараки, в батальоне погиб всего один солдат, то только за летне-осенний период боевых действий в Кабульской провинции общие потери составили шесть убитых и несколько десятков раненых. Незнакомая местность, хорошо подготовленные в тактическом отношении партизаны, более мелкие и мобильные группы моджахедов сделали свое дело...

В июне 1988 года в районе Майдан (в 30 километрах от Кабула по газнийской дороге) баракинский спецназ понес ощутимое поражение. Группы ушли в горы, а бронетехника с операторами-наводчиками и механиками-водителями осталась в долине. В это время моджахеды, давно выжидавшие удобный момент для нападения, нанесли удар. Семь бронетранспортеров было сожжено, четырнадцать спецназовцев ранены, один убит. Имели место и другие удачные действия исламских партизан против спецназа.

Отчасти столь активные и решительные нападения местных моджахедов были вызваны тем, что раньше они редко сталкивались со спецназом в бою и не ощущали комплекса неполноценности перед столь грозным противником. В своей прежней зоне ответственности баракинский спецназ, подобно другим батальонам, наводил такой ужас на местную вооруженную оппозицию, что та, зная "рейнджеров" спецназа, рисковала связываться в открытом бою с ними лишь в самых вынужденных обстоятельствах. Моджахеды приграничных районов отнюдь не уступали кабульским, но на них влиял тот образ "непобедимого и кровожадного кафера", который создал себе спецназ за годы непрерывных сражений.

Осенью 1988 года части спецназа, дислоцировавшиеся в Кабуле и его окрестностях, в основном принимали участие в ракетной войне, которая бурно развернулась в этот период. Исламская оппозиция не без успеха обстреливала столицу, правительственные учреждения и места расположения советских и афганских войск.

Именно в этот период на территории советского посольства развернулось строительство капитальных подземных укрытий от "гостинцев" моджахедов. На территории штаба армии и других частей, все еще остающихся в Кабуле, появилась новая деталь в привычном пейзаже: в каменистом грунте открылись щели, в которых должны были прятаться военнослужащие при ракетных обстрелах. Угроза гибели от внезапно прилетевшей ракеты отныне стала

Ракетные удары оппозиции, повлекшие большие потери в боевой технике и людях на кабульском и баграмском аэродромах, вызвали ответную реакцию. В Афганистан были срочно переброшены дивизионы тактических ракет, которые могли поражать всю территорию, прилегающую к Кабулу, в радиусе 250-300 километров, т. е. вплоть до пакистанской границы. Население столицы по ночам могло слышать грохот пусков ракет и видеть огненные столбы, стремительно уносившиеся в черное афганское небо.

В этот период спецназ выходил в основном на блокирование местности, откуда производились пуски ракет. Ракетные установки надо было охранять, так как исламские партизаны предпринимали попытки их обстрела. Более того, по линии разведки регулярно поступали данные, что предусматривается захват моджахедами некоторых из них.

Кроме того, спецназовцы выходили на бронетехнике или вылетали на вертолетах в окрестные горы в поисках реактивных передвижных установок моджахедов. Некоторые выходы достигали своей цели - "рейнджеры" захватывали или уничтожали обнаруженные установки или боеприпасы к ним. В целях предотвращения запусков ракет по Кабулу спецназ продолжал практиковать засадные действия на караванных тропах, по которым шел подвоз боеприпасов к ракетным установкам противника. Если бы не действия спецназа, то число ракетных пусков по Кабулу за одну ночь исчислялось бы не десятками, а сотнями. Если охрана вражеских ракетных установок и складов была значительной, то, чтобы не терять людей, которых уже скоро ожидали дома, спецназовцы вызывали штурмовую авиацию. Та, как правило, отлично справлялась с задачей.

При изучении списков погибших моджахедов, публиковавшихся в таких крупных журналах оппозиции, выходящих в Пакистане, как "Мисоке хун", "Джихад" и других, бросается в глаза резкое увеличение потерь среди исламских партизан в провинциях Кабул и Парван (столица - Баграм) как раз осенью 1988 года. Эти свидетельства самой оппозиции красноречиво подтверждают результативность действий спецназа. Многие солдаты и офицеры частей спецназначения, вспоминая этот период, отмечали, что напоследок брали гораздо большее количество моджахедов в плен, чем раньше. "Так много, как под Кабулом осенью того года, мы никогда прежде не брали", - поделился своими впечатлениями один из офицеров.

Война для подавляющей части "контингента" закончилась, но спецназовцы продолжали воевать, и это обстоятельство приводило к дополнительным нагрузкам на их и без того измотанную нервную систему. К тому же, стоило подразделениям спецназа стянуться в Кабул, как высокое штабное начальство, прежде не баловавшее своими визитами базы спецназа, пока тот стоял в опасных районах, зачастило в их расположения с проверками.

Многие офицеры спецназа, считавшие несправедливостью, что в условиях вывода всех наземных войск лишь спецназ продолжает каждодневные боевые действия, увеличили дозы потребления алкоголя в "свободное от войны" время, не имея возможности выразить свое отношение к условиям обстановки другим способом. Мысль о забастовке в головы "рейнджеров" не приходила.

"Однажды, уже в январе 1989 года, к нам в батальон нагрянул неожиданно сам Громов. Он бегал по модулю, а мы, закрывшись в комнатах и набравшись с самого утра, не открывали. Уезжая, он грозился, что наведет порядок, но в

звук", - так живописал обстановку на базе элитных частей советской военной разведки под конец афганской кампании один из спецназовских офицеров.

В феврале 1989 года последние батальоны спецназа покидали Афганистан. Последний бронетранспортер с круглой белой эмблемой на борту, на которой молния пронзала парашют со звездой, 13 февраля пересек так называемый "мост Дружбы" через Аму-Дарью, оставив за кормой не только чужую страну и ее многострадальный народ, но и девять лет самой затяжной в XX веке для советской армии войны.

Далеко не радостные перспективы ждали уходящих из Афганистана. Особенно это касалось офицеров, ибо все солдаты, прошедшие войну, были полностью демобилизованы к лету 1989 года. Не прошло и десяти месяцев, как спецназ вновь вышел на блокирование и охрану коммуникаций в Азербайджане в январе 1990 года. Снова пули летели в тех, кто думал, что навсегда забудет их свист после афганской войны, в тех, кого так неласково встретил Союз эпохи "демократических преобразований". Наверняка, покидая Афганистан, они не могли себе представить, что в них снова будут стрелять и что до их ушей вновь долетит клич "джихада".

1 Чеки с красной полосой - дензнаки, имевшие хождение в частях 40-й армии на заключительном этапе ее пребывания в Афганистане.

2 "Чекушка" - название магазинов Военторга, бытовавшее среди военнослужащих 40-й армии (жарг.)

Глава 7. Обреченные на вражду

В начале 80-х годов во многих центральных советских газетах появлялись любопытные карикатуры, по-разному обыгрывающие один и тот же сюжет: омерзительного вида душман со всклокоченной бородой, с кинжалом, зажатым в зубах, и остроконечных туфлях на босу ногу лезет из-за кордона на афганскую территорию, где его уже поджидает местный пролетарий с самыми решительными намерениями. Подобное освещение афганской войны советскими средствами массовой информации оказало медвежью услугу политическим и военным кругам Советского Союза, которые формировали его внешнюю политику, когда на повестку дня встал вопрос о выводе войск из Афганистана.

Дезинформированному советскому гражданину, которого десять лет дурачили подобными картинками, было непонятно, почему могучая Советская армия с ее современным вооружением, опытными командными кадрами и славными традициями не смогла разгромить "каких-то басмачей в полосатых халатах", и как удалось этим басмачам в конечном итоге изменить военно-политическую ситуацию в стране в свою пользу! Ведь, по сообщениям советской прессы, Апрельской революции и всему трудовому народу Афганистана противостояла жалкая кучка отщепенцев, окопавшихся в Пакистане и живущих за счет "дяди Сэма".

Наиболее трезвомыслящие и дальновидные военные советники, работавшие в Афганистане накануне ввода туда войск, предупреждали советское руководство о неразумности подобного шага ради спасения марксистского режима в Кабуле. Реальную перспективу втягивания советских войск в затяжную гражданскую войну предсказывали главный военный советник генерал-лейтенант Горелов, его

другие. Однако к их голосам не прислушались. И Советский Союз, направив войска в Афганистан, в ответ на свою "интернациональную помощь" получил "джихад".

Существует несколько основных причин, заставивших простого афганца взяться за оружие. Ведь массовую опору вооруженной оппозиции составили не богатые землевладельцы и торговцы, а преимущественно средние городские слои и крестьянство.

У афганцев существуют богатые традиции вооруженного сопротивления иноземным интервентам. К последним ими были отнесены и советские войска, ибо, свергнув режим Амина, они не вернулись на родину, а остались в Афганистане, ввязавшись в конфликт между самими афганцами. Очевидцы помнят, что в первые дни пребывания советских войск в Кабуле и других районах страны, пока они не приступили к боевой деятельности, афганцы относились к ним вполне дружелюбно.

Афганцы не забыли о своих победах в трех войнах за независимость страны против английских экспедиционных войск, хотя со времен последней из них прошло более семидесяти лет. Газни, Кандагар, Панджшер, Пагман и Соруби, которые в свое время были очагами вооруженного сопротивления англичанам, вновь в 80-х годах XX столетия превратились в арену ожесточенных боев между афганцами и советскими войсками. Хотя кабульский режим и советская сторона развернули целую пропагандистскую кампанию, чтобы представить, "ограниченный контингент" в роли миротворца, а моджахедов поставить на одну доску с английскими интервентами минувших войн, большая часть афганцев предпочла поддержать "джихад".

Они, в силу своего мышления и исторического опыта, любого иностранца с оружием на родной земле воспринимают как врага даже в том случае, если свое вторжение он объясняет желанием "оказать помощь". Какое им дело до соответствующих статей в советско-афганском договоре о дружбе и сотрудничестве от 1978 года, многочисленных просьб афганского руководства, на которые ссылались тогда кремлевские руководители для юридического обоснования акта агрессии! Подавляющее большинство населения не слышало о них ровным счетом ничего; а услышав, вряд ли бы согласилось с их содержанием.

Кроме того, появление иностранных войск (а солдаты советской армии ими воспринимались как "неверные", то есть как люди другой веры) означало для афганцев угрозу исламу. Исламская религия, составляющая суть жизненного уклада афганцев, их мировоззрение, моральные ценности, так много значит для жителей этой страны, что покушение на нее они истолковывают как покушение на свою собственную жизнь. Силы, пришедшие к власти в Афганистане в апреле 1978 года, из-за бездарного проведения земельной реформы, притеснения духовности и некоторых племен, населяющих страну, были объявлены служителями мусульманской церкви "безбожными". Естественно, статус "безбожных сил" автоматически был перенесен и на тех, кто из-за рубежа прибыл для спасения кабульских властей. По всей стране был провозглашен "джихад".

По Корану убийство "кафера", посягнувшего на ислам, и участие мусульманина в "джихаде" есть богоугодные дела, и того, кто их творит, ожидает вечное блаженство в раю. А какой мусульманин не стремится попасть в рай?

Ведение боевых действий с широким применением авиации, реактивной

среди населения "зеленых зон", разрушению домов, дорог и ирригационных каналов. Но месть за убитого - давняя традиция почти всех народов, населяющих Афганистан, поэтому каждый выход советских подразделений с базы на боевые действия увеличивал количество людей, берущихся за оружие, чтобы отомстить за смерть близких.

По подсчетам ООН, приблизительно 3 миллиона жителей Афганистана, что составляет 1/4 часть всего населения, были вынуждены эмигрировать в Пакистан и Иран, спасаясь от гражданской войны. Тяжелейшие жизненные условия в лагерях для беженцев заставляли мужчин вступать в отряды моджахедов, чтобы как-то прокормить семьи. Платили в отрядах гораздо выше, чем на любых других работах. За погибшего в бою семье выплачивали большую пенсию, поэтому недостатка в пополнении людьми своих формирований исламские партизаны не испытывали.

Другая причина вооруженного сопротивления афганцев заключается в том, что в северных районах Афганистана и сегодня существуют тысячи кишлаков, в которых осели потомки мусульман, бежавших из Советской Средней Азии в 20-30-е годы. Безусловно, они сохранили в памяти рассказы старших поколений о кровавых методах "социализаций", поэтому их реакция на появление советских войск не ограничивалась написанием на глинобитных стенах своих жилищ лозунгов типа: "Афганистан никогда не станет Самаркандом и Бухарой". Потомки беженцев брали винтовки и шли воевать.

Третья причина заключалась в финансовой и материальной поддержке исламской оппозиции со стороны большинства арабских стран, США, Китая и некоторых западно-европейских государств. Эта помощь придавала моральную силу сопротивлению Моджахедов и материально питала "джихад", ибо на танки не пойдешь, имея в руках допотопное ружьё.

Количество моджахедов, которые активно, с оружием в руках участвовали в сопротивлении, было не так уж велико - максимум 50-200. тысяч человек. Во все годы войны в Афганистане проживала масса людей, превосходившая численность моджахедов в десятки раз. Это преимущественно женщины, дети, лица преклонного возраста или люди, просто не воюющие в силу различных причин, в том числе и мужчины. Все эти категории населения, на первый взгляд, не принимали участия в "джихаде", занимая нейтральные позиции. Так ли это?

Один из солдат спецназа, проходивший службу в Джелалабаде, сказал: "Я постоянно чувствовал, что мы воюем на враждебной земле, что все в кишлаках смотрят на нас волком". Аналогичные чувства к местному населению испытывали "рейнджеры" спецназа, которые почти в каждом афганце видели врага и в своем большинстве считали, что "даже те, кто не носил оружие, были "духами" или их помощниками".

И спецназ, и местное население были обречены на вражду и взаимную ненависть самой жизнью. Когда спецназ после своего декабрьского дебюта спустя некоторое время вернулся в Афганистан, там уже второй год велся "джихад", называвшийся в советских средствах массовой информации "необъявленной войной". К этому моменту позиции конфликтующих сторон были достаточно четко определены.

Афганское население научилось очень быстро и безошибочно выделять спецназовцев из общей массы советских военнослужащих не по форменной одежде, а по почерку их действий. Решительные, быстротечные и неожиданные

влекли многочисленные жертвы не только среди моджахедов, но и среди местного населения.

Мирные, безоружные люди довольно часто попадали под пули спецназовцев. Их гибель была вызвана не какой-то особенной кровожадностью военнослужащих спецназа, а теми обстоятельствами, которые возникают во время любых военных действий.

"Во время облета нашей зоны ответственности афганский автобус после третьей предупредительной очереди не остановился. Ну, и "размочили" его с НУРСов и пулеметов, а там оказались старики, женщины и дети. Всего сорок три трупа. Мы потом подсчитали. Один водитель жив остался". Эти слова принадлежат офицеру баракинского спецназа, который, безусловно, сожалел о гибели невинных людей, но ее главным виновником считал водителя афганского автобуса. Тот вместо того, чтобы остановиться после предупреждения, как это было принято по неписаной договоренности, стоило вертолету зависнуть над машиной, вдруг прибавил скорость...

Большинство военнослужащих частей спецназначения спокойно относились к фактам гибели гражданского населения, видя в них неизбежное зло, происходящее там, где идет война. Многие из них считали, что джентльменское отношение к местному населению есть непозволительная, роскошь в условиях партизанской войны и морализирование на эти темы лишь мешает выполнению боевой задачи.

В ходе действий спецназа были отмечены десятки случаев, когда мирные афганцы погибали ночью на караванных тропах, попадая под огонь рейнджеров, сидящих в засаде. "Наша группа открыла огонь по каравану по приказу лейтенанта. Я слышал крики женщин. После осмотра трупов стало ясно, что караван мирный, но раскаяния я тогда не испытывал", - признал бывший солдат лашкаргахского батальона, вспоминая о подобных случаях.

Офицер джелалабадского батальона, провоевавший в Афганистане два года, приводит аналогичный пример: "Убивали афганцев по незнанию. Ночью по караванной тропе идет семья кочевников, натывается на засаду, и тут же ее уничтожают. За мою службу я знаю три таких случая".

Немало мирных жителей, не принимавших участия в "джихаде", поплатились жизнью лишь потому, что оказались в зоне действий спецназа или проживали в кишлаках, в которых на ночь останавливались отряды моджахедов. Во время ночных налетов спецназ резал и стрелял всех подряд, не интересуясь возрастом, полом и политической принадлежностью. Поди, попробуй отличить ночью, когда идет интенсивная стрельба, моджахеда от мирного, женщину от мужчины, которые к тому же что-то кричат на непонятном языке. Пока присмотришься - сам получишь пулю.

Другая причина, вынуждавшая спецназовцев убивать мирных афганцев вполне осознанно, была обусловлена "мерами предосторожности". Находясь в пустыне или горах на выполнении боевого задания в отрыве от главных сил, любая группа спецназа не могла допустить, чтобы ее местопребывание было раскрыто. От случайного путника, будь то пастух или сборщик хвороста, заметившего засаду спецназа или его стоянку, исходила вполне реальная угроза. Опыт первых лет войны в Афганистане показал, что афганец, отпущенный с миром, как правило, возвращался, ведя за собой отряд моджахедов.

Именно поэтому спецназ не мог позволить себе играть в гуманизм, когда

своем большинстве говорят об этом, как о неприятной, но вынужденной необходимости. "По крайней мере, это честнее, чем лить крокодиловы слезы", - прокомментировал свои прошлые "грехи" один из солдат фарахского батальона.

Типичная ситуация произошла в Нангархаре зимой 1985 года. Группа афганцев, поехавшая на рейсовом автобусе в Пакистан, исчезла без следа в каменистой пустыне. Их следы отыскивались несколько месяцев спустя. Родственники пропавших без вести совершенно случайно обнаружили на свалке разбитой техники, устроенной джелалабадским батальоном спецназа рядом с базой, тот самый злополучный автобус, изрешеченный пулями.

Кроме смертельной угрозы, которую так часто влекла за собой неожиданная встреча со спецназом, существовала еще одна причина, настраивавшая население многих приграничных с Пакистаном районов враждебно к "лихим рейнджерам". Спецназ громил не только караваны, доставляющие оружие, но и транспорт с продовольствием, медикаментами, различными товарами первой необходимости, предназначенными для населения, пусть и состоящего наполовину из родственников исламских партизан.

Офицер баракинского спецназа, владевший дари, рассказал о следующем разговоре, происшедшем между ним и пожилым афганцем из баракинской "зеленой зоны": "Мы сменили в Бараках батальон из советской десантно-штурмовой бригады, к которому местные относились более-менее спокойно. Нас же очень быстро возненавидели. Старик, с которым я разговаривал, объяснил, что раньше из Пакистана в их кишлак беспрепятственно шла продовольственная и иная помощь. Прибывший спецназ не только стал громить местные вооруженные отряды оппозиции и их караваны, но и начал перехватывать всю гуманитарную помощь для мирного населения".

Сходные случаи происходили и в других районах страны. Ведь многие афганцы, не отыскав работы на родине, отправлялись на заработки в Пакистан и Иран. Оттуда они вскладчину, по признаку принадлежности к одному роду или племени, посылали небольшие караваны с имуществом для своих родственников, оставшихся в Афганистане. Эти караваны не имели отношения к тем транспортам с гуманитарной помощью, которые снаряжались оппозиционными силами. Однако для спецназа никакой разницы между этими и другими караванами не существовало. Они уничтожали их без разбора. Единственными караванами, которые беспрепятственно проходили сквозь засады спецназа, были караваны кочевых племен. Их не трогали, ибо на сей счет имелись строгие приказы и инструкции.

Лишь немногие из бывших солдат и офицеров частей спецназначения по прошествии лет искренне переживают по поводу жертв среди мирного афганского населения. Большинство же, признавая сам факт гибели безоружного населения по их вине, по-прежнему негативно относятся ко всем афганцам. Они считают, что все население в той или иной степени активно помогало моджахедам в их борьбе.

"Пастухи немедленно начинали прочесывать местность, стоило им где-то заметить зависание вертушек". - "Пастухи навели на нас "духов" возле Гумаль-Калай в феврале 1986 года. Насилу мы вырвались из окружения тогда". - "Для меня нет разницы между мирными и "духами". Все они одним миром мазаны". Подобные высказывания спецназовцев о "коварстве" местного населения и его поддержке исламских партизан не лишены основания.

сражения, окончившегося в пользу моджахедов, старики и подростки из ближайшего кишлака прочесывали поле боя и добывали мотыгами и лопатами раненых спецназовцев. Естественно, он на всю жизнь запомнил увиденное, и сохранил ненависть не только к моджахедам, но и гражданскому населению.

Зачастую местные жители, выполняя задания моджахедов, добровольно предлагали свои услуги спецназу в качестве информаторов и давали ложные сведения, которые приводили к весьма печальным последствиям для "рейнджеров". Так, один раз, попавшись на дезинформацию, переданную местным жителем, одна из рот спецназа под Кандагаром вышла на засаду исламских партизан и понесла потери.

Офицер шахджойского батальона спецназа так определил свое отношение к "мирным" афганцам: "Я привык от них ждать больше неприятностей, чем чего-либо другого. Из этого складывается мое отношение к ним. Хотя среди них тоже есть вполне нормальные люди".

Его последняя фраза оставляет надежду на то, что со временем люди, воевавшие в составе "ограниченного контингента", поймут мотивы враждебного отношения афганского населения к ним. Этот же офицер признает: "Большинство афганцев считало нас захватчиками, "неверными" и интервентами, неизвестно ради чего пришедшими на их землю".

Непонимание, незнание друг друга, взаимная вражда предопределили отношения между спецназом и мирным гражданским населением. Запоздалые и во многом безграмотные мероприятия по оказанию продовольственной помощи, медицинского обслуживания местному населению в районе постоянной дислокации подразделений спецназа, проведение агитационной работы с целью формирования лояльного отношения у местного населения к советским войскам, не смогли изменить сложившегося отношения и перевернуть взаимно негативное мнение друг о друге.

Однако, среди гражданского населения существовала категория лиц, которые сотрудничали со спецназом. Как правило, ими являлись агенты афганской службы безопасности, советской военной разведки и некоторые кланы и семьи, испытывающие потребность во временном союзе с советскими войсками для решения своих проблем. Например, у какого-нибудь клана нет достаточных сил, чтобы разделаться с конкурентами или недругами из соседнего кишлака. В этом случае они поставляют спецназу данные, что в соседнем кишлаке постоянно размещается отряд моджахедов. Более того, они готовы дать своих проводников или даже воинов для непосредственного участия в акции.

Другой причиной сотрудничества было желание отдельных племен жить в мире с русскими, которые, по мнению афганцев, обладали очень большой военной силой. Сильных на Востоке уважают. Между такими племенами и ХАДом или ГРУ заключалось тайное соглашение, и "дружественные" афганцы без угрызений совести "закладывали" моджахедов, когда те пытались провести караван через территорию этих племен. Офицеры разведки из бригад спецназа иногда ездили к старейшинам сотрудничающих племен в гости, как к себе домой. Материальная заинтересованность афганцев в сотрудничестве со спецназом была практически исключена. Те 2-3 тысячи афганы, которые мог получить агент из числа местных жителей в случае, если его информация подтверждалась и спецназ дал "хороший результат", были смехотворно малой суммой. Один из офицеров, отвечавших за агентурную работу, в сердцах пожаловался: "Эти расценки,

прикурить от пятисотафганиевой банкноты".

Конечно, попадались осведомители и проводники из числа очень бедных людей. Таким не препятствовали после боя выбрать для себя какие-нибудь ценные вещи из числа трофеев... Убедившись, что вооруженным путем справиться с исламскими партизанами не представляется возможным, советская сторона стала проводить работу по перетягиванию на свою сторону влиятельных полевых командиров отрядов оппозиции, чтобы обескровить "джихад". Оказалось, что дешевле свозить моджахедов в Москву и организовать для них застолье с выпивкой в ресторане "Седьмое небо" на останкинской телебашне, чем вести жестокую и изнурительную антипартизанскую войну.

Так, в августе 1986 года группу лидеров крупных отрядов оппозиции из западных районов Афганистана свозили на экскурсию в Советский Союз. Их хотели склонить к сотрудничеству, показав могущество и богатство "великого северного соседа". Они посетили Москву, Ташкент, Алма-Ату и Бишкек (тогдашний Фрунзе).

Нечто подобное устраивали англичане во время колониальных завоеваний, - привозя в метрополию на экскурсию вождей и князьков воинственных, но бедных племен. Их осыпали подарками, показывали заводы, города, гавани, и те уезжали домой, сраженные увиденным.

Моджахеды, побывавшие в Союзе, были разными людьми: одни после поездки продолжили борьбу, другие заняли нейтральные позиции, и лишь двое склонились к сотрудничеству с "контингентом". Вскоре они были убиты соплеменниками за измену. Подобный финал ждал и Джума-Хана - лидера одного из крупнейших формирований моджахедов, который в 1984 году в Бадахшане перешел на сторону русских. Исламская оппозиция жестоко расправлялась с теми, кто нарушал закон "джихада".

В целом прямые контакты афганцев, как из числа мирных жителей, так и из числа моджахедов, с представителями ГРУ или спецназовцами были скорее исключением, чем нормой. В памяти подавляющего количества афганского населения останутся лишь наводящие ужас дерзкие рейды и налеты спецназа на их землю.

История повторяется, но люди не всегда усваивают ее уроки. Подобные воспоминания об английских интервентах по сию пору продолжают жить среди афганцев, хотя много воды утекло с тех пор в афганских речках. Те воспоминания, видимо, поблекнут и будут почти забыты на фоне последних, еще совсем свежих событий, связанных с участием советских войск в гражданской войне в Афганистане, а предания о "коварных и жестоких англичанах" сменятся подробными рассказами очевидцев об "ужасных русских".

Art Of War Home

Публицистика. Публика.

Глава 8. Горы и люди

В феврале восемьдесят девятого последние спецназовцы покинули Афганистан - страну, где они без малого девять лет сражались и гибли во имя идей "интернационализма". О том, что эта война несправедлива с нашей стороны, а главное - совершенно бесперспективна, в той или иной степени догадывались многие из тех, кто в перерывах между выходами на операции задумывался о характере и сущности миссии "ограниченного контингента".

Несмотря на то, что военнослужащие 40-й армии сменялись через каждые два года, чувство, моральной усталости от войны стало проявляться в советских войсках в Афганистане не перед выводом на родину, а гораздо раньше. Уже в середине 80-х годов солдаты и офицеры, прибывающие в эту страну с желанием "хорошенько повоевать" с моджахедами и помочь афганскому народу "отстоять завоевания апрельской революции", довольно быстро осознавали, что местный народ не любит их и не нуждается в их помощи, и они не смогут победить в этой затянувшейся войне, какие бы потери и поражения не наносили моджахедам.

Однако они продолжали воевать и выполняли свою "работу" добросовестно и самоотверженно. Они сознательно шли на риск, хотя понимали, что война закончится для них в любом случае, когда наступит время замены или демобилизации. Можно было бы и побережь себя. Почему же они продолжали воевать? Почему не уклонялись от участия в боевых действиях? Что заставляло их сражаться с противником буквально до последнего часа своего пребывания в Афганистане?

Большинство наших соотечественников, насмотревшись боевиков с участием Сталлоне и Шварценеггера, начитавшись газет о действиях ОМОНа в Закавказье и Прибалтике, представляли себе спецназовца этаким бесчувственным монстром с чрезвычайно развитой мускулатурой, обвешанным оружием и необременным моралью. Нарисованный образ имеет мало схожего с теми людьми, которые носили форму частей спецназначения в Афганистане.

Безусловно, война оказывает большое воздействие на психику, моральные ценности, образ жизни и поведение человека, принимающего в ней самое активное участие. Ее влияние проявляется как в хорошем, так и в плохом, что есть в данном человеке. Война не делает его лучше или хуже. Она лишь развивает те качества, которые были заложены в нем задолго до начала войны. Никто не расскажет лучше и достовернее о людях спецназа, чем сами спецназовцы, именно поэтому попытка показать облик советского "рейнджера" в Афганистане сопровождается в этой книге их собственными наблюдениями и размышлениями.

Ведение активных и постоянных боевых действий, выполнение наиболее ответственных и сложных задач - вот работа спецназа на афганской войне.

частей спецназа однозначно положительно относились к возможности повоевать, и возводили чувство воинственности в ранг главного своего достоинства. Лишь 25% опрошенных автором солдат и офицеров уверенно и без колебаний признали, что в течение двух своих лет в Афганистане (некоторые офицеры, побывавшие там дважды, имели больший срок) им нравилось воевать, постоянно испытывать охотничий азарт, убивая моджахедов в честном бою. Солдат фарахского батальона выразил свое отношение к войне следующим образом: "Я любил воевать. Надо было бить их сильнее. Мы там не довоевали".

Гораздо большая часть опрошенных заявила о том, что они испытывали желание воевать лишь в течение первого года службы. Затем, по их словам, наступало чувство психологической усталости, апатии, нежелания воевать. Люди пресыщались войной, потому что существует тот предел, после которого человек уже не в состоянии эффективно выполнять свои задачи. От чрезмерных нагрузок и обилия экстремальных ситуаций у значительной части военнослужащих наступал период депрессии, снижения интеллектуальных способностей.

Например, допустимая норма налета на вертолетах для летчиков в условиях Союза составляла 150-200 часов в год. В Афганистане эта норма доходила до 1000 часов. Чрезмерные нагрузки в течение продолжительного времени приводили к ослаблению защитных механизмов в психике человека. По этой причине в частях ограниченного контингента происходило большое количество несчастных случаев, катастроф и аварий, с человеческими жертвами. Спецназовцы не были исключением из правил, но у них доля небоевых потерь составляла всего 12-15%, в то же время небоевые потери в частях 40-й Армии достигали 35% от общего количества.

Люди - не роботы, и война, истощавшая их силы, зачастую, притупляла чувство осторожности и внимательности у одних, и наоборот - обостряла его у других, вырабатывая мощный инстинкт самосохранения. "Я знал нескольких отличных ребят. Они погибли под самый дембель. Они были опытными бойцами, но допустили ошибку, и это стоило им жизни... Когда на операции я чувствовал опасность, я становился очень осторожным", - прокомментировал бывший сержант спецназа свое наблюдение по данному вопросу.

Увы, в Советской армии, воевавшей в Афганистане, не существовало психологической службы, которая могла бы определить оптимальные границы боевых возможностей конкретного человека, адаптированность его психики к военным условиям, его "персональную дозу" пребывания на войне. Как знать, возможно, наличие подобной службы спасло бы сотни жизней наших сограждан на афганской войне...

Примерно 5% опрошенных признали, что они по разным причинам после первых же выходов на боевые операции поняли, что убивать или самому быть убитым - не их хлеб. Ими двигало как чувство страха, неуверенности в своих силах, так и нежелание воевать, подвергать себя риску. Они постарались занять такие должности на базах спецназа, которые оградили бы их от непосредственного участия в боевых действиях, или хотя бы снизили процент риска.

Никто из опрошенных не признавался в таких "грехах", о которых поведал офицер баракинского спецназа: "Обычно в ротах из 70-80 человек 5-6 солдат были "шлангами". Были и чмыри, которые косили под больных, пили мочу "желтушников"2, чтобы заболеть и попасть в госпиталь". Солдат этого же

негативные эмоции по отношению к тем, кто "по желтушному делу засел в госпиталях, устроился там в рабочие команды для выздоравливающих, чтобы не возвращаться в свою часть и не воевать, пока мы ходили в горы".

До 60% опрошенных военнослужащих спецназа заявили, что не могут дать однозначный ответ о своем отношении к войне. На войне наряду с мобилизацией всех возможностей организма, умственных и физических способностей, с достижением "эмоционального пика" человек одновременно испытывает чувство тоски, дискомфорта, разочарования и подавленности.

Младший офицер джелалабадского спецназа так резюмировал свои ощущения на войне: "Я не могу сказать только "да" или только "нет". "Нет", так как война влечет за собой гибель друзей. "Да", так как, дав результат, испытываешь чувство глубочайшего удовлетворения, что ты все-таки не зря сюда приехал".

Один из спецназовцев асадабадского батальона более прозаично выразил свое отношение к войне: "Мне было скучно сидеть в ППДЗ. Я выходил на войну, но, навоевавшись, меня снова тянуло на базу, подальше от гор. Нельзя же все время стрелять!"

Одним из наиболее сильных мотивов, которые заставляли спецназовцев - воевать, ненавидеть своего противника и жертвовать собственной жизнью, чтобы уничтожить его, являлось чувство мести за погибших сослуживцев. "Неудачи и потери с вашей стороны действовали на меня угнетающе и раздражали. Большие потери вызывали чувство ненависти к духам", - так ответил офицер спецназа на вопрос, почему он, осознав всю бессмысленность войны в Афганистане, тем не менее, продолжал на операциях активно искать столкновений с моджахедами.

Другой военнослужащий спецназа сказал: "Мы переживали, когда теряли своих. Были слезы, иногда даже навзрыд. За убитых мстили жестоко".

Один из опрошенных так выразился о чувстве мести: "Гибель двенадцати парней из нашего батальона под Кандагаром осенью 88-го вызвала у меня вначале депрессию, но потом я стал воевать еще злее".

Такие понятия, как "интернационализм", "долг по оказанию помощи братскому народу Афганистана" для спецназовцев были лишь политической фразеологией, пустым звуком. Интернационалистами они себя не считали. Почти все опрошенные согласились с тем, что в Афганистане они выполняли не интернациональный долг, а боевую задачу, поставленную командованием, и считали себя профессионалами, в совершенстве делающими свое дело.

Те, кто попадал в Афганистан с ложными представлениями о событиях в этой стране, - а такие представления формировала официальная советская пропаганда, - довольно быстро прозревали. Многие при опросах подчеркивали, что свое отрицательное отношение к афганцам, будь то моджахеда, или мирные жители и сторонники кабульских властей, они не могут при всем желании совместить с понятием "интернационализма".

Большинство опрошенных подтвердили, что свое участие в боевых действиях они понимали не как показатель личных политических воззрений, а как воинский профессиональный долг. Анкетирование военнослужащих спецназа выявило такую неожиданную и любопытную особенность, о которой достаточно недвусмысленно высказался один из солдат кандагарского батальона: "Честно говоря, я "духов" больше уважал, чем местных коммунистов. Духи не прятались за чужими спинами, как царандоевцы*, или зеленые* за нашими. Они все-таки защищали свою страну и свои дома, да и воевали они лучше наших союзников... .."

Почти четверть опрошенных выразила аналогичные политические симпатии, оставаясь при этом непримиримыми врагами моджахедов. "Рейнджеры" спецназа не читали Ницше, который, говоря о войнах и войнах, сказал дословно: "Вы должны гордиться своими врагами". Однако, они (спецназовцы) и так достаточно трезво и объективно оценивали исламских партизан. "У них высокая боеспособность", "прирожденные воины", "противник вовсе не глуп", - вот характерные высказывания спецназовцев о своем противнике. Победрами над таким противником можно было действительно гордиться, поэтому обычное соотношение потерь, когда на одного погибшего спецназовца приходилось 6-10 убитых моджахедов, свидетельствовало о высокой профессиональной выучке спецназа. Правда, опрошенные, как правило, подчеркивали, что не совсем удовлетворены тем, как они сами и их подразделения действовали в Афганистане. Свою неудовлетворенность они списывают на те ограничения, которые, будучи спущенными сверху, мешали им эффективно воевать.

"Если сравнивать Афганистан с Вьетнамом, то во Вьетнаме военные действия велись более грамотно и без скидок на гуманность, с использованием всех технических возможностей", - так высказался один из военнослужащих спецназа по данной теме. Его высказывание можно дополнить другим: "Американцы могли смело применять дефолианты, а мы боялись использовать газы, чтобы "травануть" "духов" в пещерах".

Требования соблюдать законность и гуманность по отношению к местному населению воспринимались многими спецназовцами во время войны в Афганистане как вещь, несовместимая с приказом "дать результат" и самим характером войны. Лишь 20% опрошенных, говоря о своем, на их взгляд, недостаточно высоком уровне ведения боевых действий, признавали, что "наша подготовка была ниже, чем у американских зеленых беретов, если, конечно, судить по кинофильмам и литературе".

Противник спецназа был серьезным. Во время войны в этой стране как советская печать, так и печать исламской вооруженной оппозиции изображали своего противника обычно в уничижительном виде, показывая его глупость, бездарность, рисуя астрономические потери. Впрочем, потери значительно завышались и в оперативных сводках, предоставляемых командованию с мест. Действительность же была иной. К 1984/85 гг., то есть в период наибольшей концентрации частей спецназа в Афганистане, большую часть исламских партизан составляли настоящие профессионалы, которые давно жили только войной. Офицер кандагарского батальона, который неоднократно отслеживал движение караванов в своей зоне ответственности, признал, что "вначале я был очень удивлен, а потом привык к тому, что моджахеды выставляли дозоры и охранение, использовали различные тактические приемы при проводке караванов, отлично маскировались и использовали самые современные средства связи".

Относясь уважительно к своему противнику, "рейнджеры" спецназа, однако, не имели перед ним страха и всегда морально были настроены только на победу. Несмотря на то, что дух исламских партизан, защищавших свою страну, свой народ, был достаточно высок, спецназовцы по своему моральному состоянию намного превосходили противника.

"Я не испытывал чувства страха во время боя. Не было времени об этом думать!" - сказал о чувстве страха военнослужащий газнийского батальона. Его

потом, после боя, на базе. Подавляющее большинство опрошенных заявили, что не старались задумываться над перспективой быть убитым или раненым. Офицер шахджойского батальона следующим образом выразился о моральном состоянии своих подчиненных: все в какой-то степени боялись. Ничего не боится только Рэмбо. За редким исключением, во время боев мы всегда превосходили "духов морально. Они боялись нас гораздо больше, поэтому мы обычно побеждали".

Некоторые из опрошенных ответили, что об их моральном превосходстве свидетельствует тот факт, что они не издевались над трупами и ранеными моджахедами. Отношение к попавшим в плен было также довольно гуманным в частях спецназа. Их, как правило, вначале содержали для допросов на гауптвахте базы, а затем передавали в ХАД.

Спецназовцам для самоутверждения и преодоления боязни перед противником не нужно было раззадоривать себя издевательствами и пытками пленных или глумлением над трупами моджахедов, как это проделывали исламские партизаны со своим противником. По их верованиям, вид изувеченного "кафера" с выколотыми глазами и отрубленными половыми органами придаст моральные силы воину ислама, повысит его боевой дух, вселит в него чувство уверенности и непобедимости. Расчленение трупа для моджахедов имело и религиозный смысл. Они верили, что в день страшного суда душа погибшего врага не сможет обрести тело, которое разорвано на части. Отношение к мертвым и пленным прекрасно иллюстрирует, на чьей стороне было моральное превосходство. По признаниям спецназовцев, они не стремились брать моджахедов в плен, так как с ними было много "возни и мороки", тем более, что пленные за редким исключением всегда давали дезинформацию. Однако в плен попадало немалое число моджахедов, чего нельзя сказать о спецназовцах.

За исключением рядового Я., попавшего в плен по собственной рассеянности летом 1987 г. и затем обменного на пленных моджахедов, военнослужащие спецназа в плен не сдавались никогда, предпочитая умереть. Кроме того, сами моджахеды стремились добить раненого советского военнослужащего, если тот оказывал сопротивление.

Другим фактором, определяющим моральное превосходство спецназовцев, являлось чувство своей избранности, ощущение престижа службы в элитных частях советской военной разведки. На вопрос, испытывали ли вы чувства гордости, превосходства, избранности, проходя службу в спецназе, все опрошенные ответили утвердительно. Они следующим образом объяснили эти чувства: "Да, мы были избранными, так как спецназ - это боевые части армии, самые результативные и несущие самые незначительные потери... Мы были самой боевой, ударной силой армии... Особый характер выполнения задач поднимал нас в моральном отношении на недостижимую для остальных высоту..."

Спецназ, находясь в Афганистане, не рекламировал свои подвиги и победы, и большинство его громких дел по сей день остается неизвестным для большинства. Однако, не зная даже и десятой доли "правды" о спецназе и его действиях, большинство военнослужащих других частей 40-й Армии испытывали к спецназу чувства уважения, понимая, что в силу многих причин спецназ превосходит их по своей результативности и эффективности.

Именно престиж службы в спецназе, постоянное стремление держать на высоте марку рода войск, развитое чувство корпоративности благотворным образом сказывались на моральном состоянии военнослужащих спецназа, их

балансирование между жизнью и смертью давало спецназовцу лишь моральный стимул: он мог с полным правом носить тельняшку, спецназовскую робу и называться "бойцом спецназа". Материальные стимулы практически отсутствовали. Например, не было никакой разницы в оплате командира группы спецназа, почти ежедневно подставляющего свою голову под пули, и оплатой труда, например, начальника продовольственной службы мотострелковой части, а начальник оркестровой команды в любом полку, или даже чиновник в погонах, выписывающий проездные документы в различных Штабах, получали даже больше.

Если офицеры спецназа имели все же хоть какое-то скромное жалование, составляющее, кстати, для младших офицеров в 1985 г. 270 чеков в месяц плюс небольшая сумма в рублях, начисляемая для них в Союзе, а для старших офицеров - 320 чеков, - то солдаты воевали фактически задарма. Самая высокая ставка военнослужащего срочной службы достигала такой "астрономической" суммы, как... 18 чеков в месяц! Любое гражданское вольнонаемное лицо в составе 40-й Армии, носу не казавшее с базы, кроме поездок в афганские торговые лавки, получало в десять раз больше самого смелого и отважного рядового спецназовца!

Однако эту вопиющую несправедливость высшее руководство так и не удосужилось исправить за все годы войны. Единственно разумной акцией, на которую хватило сердобольных маршалов, стало установление нормированных денежных компенсаций за ранения, увечья и контузии. Для введения соответствующего документа в ранг закона потребовалось несколько лет войны в Афганистане. Зато после его появления оторванная рука или нога офицера стали оцениваться в 700-800 рублей, а солдата - в 3-4 раза меньше. Чеков в этом случае не платили. За доказанный документально факт контузии на рублевый счет офицера в Союзе начислялся один месячный оклад. И это считалось немалым прогрессом в оценке министерством обороны ратного труда людей в военной форме. Жизнь человека у нас всегда стоила недорого...

Ни один солдат в армиях цивилизованных стран, да и большинства развивающихся, не стал бы жертвовать собой, видя к себе подобное отношение. Ни один, кроме советского! Поэтому сравнение спецназовцев периода афганской войны с теми же "зелеными беретами" времен Вьетнама весьма сомнительно. Те, сознавая бессмысленность гибели в джунглях чужой страны, хоть знали, что их труд оплачивается по достоинству, и даже будучи искалеченными, они вернутся на родину, в Штаты, относительно состоятельными людьми. В стране советов существовали иные правила. Зачем деньги, зачем комфорт человеку, вооруженному "самым передовым в мире политическим учением"?.

Итак, военнослужащие спецназа не считали себя интернационалистами. Не были они и наемниками, получающими за риск огромные деньги. Почему же в таком случае они выкладывались до конца, отвоевав вплоть до февраля 1989 года? Что заставляло их сражаться в этой войне, обреченной на неудачу для их страны?

Ответы спецназовцев можно разбить на шесть групп. Почти все опрошенные в первую очередь в качестве фактора, заставившего их сражаться, назвали саму атмосферу войны. "В меня стреляли - я отвечал", - вот наиболее распространенный ответ.

Многие назвали чувство морального удовлетворения от победы над

"духов", тем меньше наших солдат погибнет здесь", - заявил офицер асадабадского батальона.

Один из отвечавших дал такое объяснение: "Я не хотел прятаться за чужие спины. Мне бы совесть не позволила жить за счет других". Желание выглядеть 100-процентным "рейнджером", чувство собственного достоинства, желание проверить себя в экстремальной ситуации заставляли многих военнослужащих лезть в пекло боя, не задумываясь о последствиях.

Были ответы и иного содержания. Большинство опрошенных офицеров спецназа признали, что свою дальнейшую карьеру, то есть поступление в академии, получение новых должностей и званий они напрямую связывали с результатами службы в Афганистане. Одна треть военнослужащих срочной службы ответили, что в то время "они считали, что наше участие в этой войне зачтется нам на родине в положительном смысле. Будут какие-то льготы при поступлении в институт, устройстве на работу и т.д."

Наряду с другими причинами некоторые называли и чувство опасения перед возможностью каких-либо репрессивных мер по отношению к родственникам, если они будут уклоняться от ведения боевых действий. "Ведь во время Великой Отечественной войны таких примеров было сколько угодно!", - пояснил один из отвечавших.

Кроме того, в ответах встречались и такие понятия, как: "обязательное выполнение приказа", "воинский долг", "месть за погибших и ненависть к моджахедам".

Война - достаточно суровое испытание для человека. В любом случае мир - лучше войны. Казалось бы, люди, испытавшие на себе ее тяжесть, должны однозначно ненавидеть войну. Однако ответы подавляющего большинства спецназовцев свидетельствуют об обратном: никто из них не сожалеет о годах, проведенных в Афганистане. Они не скушают по возможности пострелять по живым мишеням, но их ностальгия по войне связана с особым состоянием психики, имя которому - "афганский синдром".

Человек, подверженный афганскому синдрому, время от времени испытывает острое чувство тоски по годам, проведенным на базе в кругу друзей. Он понимает, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды, но если бы вдруг представилась возможность вернуть былое, он ухватился бы за нее без колебаний. Как правило, таких доверительных отношений, такого спаянного, дружного коллектива, как это было в Афганистане, бывшие спецназовцы лишены дома. При афганском синдроме даже отрицательные моменты - неустроенный быт, минимум развлечений во время досуга, скудное питание, постоянный риск и большие физические и психологические нагрузки во время операций не только перестают восприниматься как негативные, но и приобретают некую привлекательность, становясь одними из самых ярких переживаний и воспоминаний.

По свидетельству большей части опрошенных "рейнджеров", в первое время после возвращения из Афганистана они, немного отдохнув, но так и не привыкнув к мирной жизни, писали рапорты на имя командования о своем желании вновь отправиться в Афганистан. Рапорты рядовых спецназовцев, находящихся в запасе, командованием не рассматривались, однако офицерам, выразившим такое желание, подобная возможность предоставлялась.

В отличие от большинства других частей 40-й армии, в спецназе существовали

Офицеры спецназа наравне со своими подчиненными несли все тяготы службы во время выходов на боевые операции и подвергались точно такому же риску. Они не прятались за спины солдат. В спецназе была невозможна ситуация, которая считалась обычной в других частях, когда во время пеших переходов по горам все снаряжение офицера, все его личные вещи за исключением оружия несли бойцы. В группах спецназа офицер не только сам нес весь свой груз, который весил порой 35-40 килограммов, но и брал на свои плечи что-нибудь дополнительное, если возникала необходимость. На операции офицер ел точно такой же паек, что и солдаты, спал в точно таких же условиях. Если подчиненные видели, что их командир обладает высокими профессиональными качествами, бережет людей, не заставляя их понапрасну лезть под пули, готов помочь солдату, то, как правило, в группах складывались очень дружеские отношения, что во многом способствовало выполнению боевых задач.

Конечно, эти отношения мало напоминали лубочные журналистские опусы в "Красной Звезде", но в целом в группах спецназа офицер был гораздо ближе к солдатам, чем в остальных частях "ограниченного контингента". Подобный тип взаимоотношений установился не вдруг. Если офицер сразу после училища приходил на должность командира группы, ему приходилось в течение нескольких месяцев зарабатывать авторитет среди подчиненных, многие из которых, прослужив в Афганистане по году и более, знали и умели больше, чем он. Иногда солдаты в таких ситуациях пытались навязать обращение на "ты", продемонстрировать свое превосходство. Офицеры тоже в свою очередь порой вели себя не по-джентльменски, воспитывая нерадивых, на их взгляд, подчиненных. Были случаи, когда офицер прибегал к такому аргументу, как кулак. Однако силовые приемы военных "педагогов" были скорее исключением, чем нормой. По-разному складывались отношения между офицерами и солдатами на почве распределения трофеев. В одних группах принципиальные командиры могли сложить найденные в разгромленном караване магнитофоны, фотоаппараты, часы в одну кучу и проутюжить ее броневиком, в других - офицер закрывал глаза на все случаи стяжательства и мародерства, получая от солдат свою долю.

По свидетельству бывших солдат, в некоторых батальонах существовала своеобразная такса за увольнение в первой партии демобилизованных. Командир роты получал в дар энное количество бутылок водки, и вопрос решался к обоюдному согласию.

Не случайно дань взималась в виде водки. Среди офицеров существовал строго установленный "водочный этикет". Офицер, прибывший на базу из отпуска или замены кого-нибудь из "старожилов", был обязан выставить водку, чтобы войти в коллектив или отпраздновать свое возвращение на базу после отдыха. При наступлении срока замены, после двух лет службы в Афганистане, этот же офицер устраивал "отходняк", на котором выпивалось сумасшедшее количество алкоголя. Обмывались и другие торжественные случаи. Однако, на операции ни один офицер не позволил бы себе принять хотя бы каплю спиртного.

Непростые отношения складывались между спецназовцами и их командованием, начиная с батальонного звена и выше. По мнению большинства рядовых солдат и офицеров, честно заработавших ордена, "штабные" получали награды за их счет, сами не принимая непосредственного участия в боевых действиях. Чрезвычайно раздражающе на спецназовцев действовали случаи

начальников, особенно если в результате погибали люди. Всеобщее негодование вызывали ситуации, когда начальство прилетало на вертолетах в район боевых действий, чтобы набрать для себя лучшее из трофейного имущества. Эти визиты, естественно, происходили после боя. Потребительское отношение старших начальников, которые требовали достать уйму вещей, начиная с удобного импортного полевого обмундирования и кончая деньгами, превратилось в весьма распространенное явление. Почти все опрошенные "рейнджеры" приводили по несколько примеров, иллюстрирующих эту неприглядную сторону войны.

Отношения между людьми на базах тоже были далеки от идеала. В батальонах сложился определенный кодекс поведения, некоторые проявления которого в повседневной жизни могли бы шокировать гражданского человека.

Солдаты, проявлявшие на операциях образцы взаимовыручки, самопожертвования и отваги, могли на базе довольно жестоко избить сослуживца, если тот, по их мнению, нарушил негласные правила кодекса. Чаще всего рукоприкладство, которое называлось "разборками", происходило после возвращения с операции. Например, молодой солдат во время пребывания в горах выпил из резинового резервуара всю воду, предназначавшуюся для группы, или от усталости во время пешего перехода не смог нести свой груз - "сдох", как говорилось в Афганистане, или заснул во время дежурства. Пока группа находилась вне базы, "работая" в горах, его никто не трогал, но стоило ей вернуться домой, провинившийся подвергался жестоким разборкам. Нравы были суровые - в духе окружающей обстановки.

Однозначно жестоко наказывались трусость, малодушие, доносительство. Вместе с тем по части неустанных отношений в виде мордобоя или издевательств над личностью спецназу было очень далеко до большинства других подразделений, находившихся в Афганистане. Это можно объяснить тем, что группы спецназа в виду своей малочисленности были очень слаженными коллективами, так как антагонистические отношения между дюжиной людей, а именно столько человек обычно насчитывала одна группа, не позволяли бы ей успешно действовать. Большая часть времени у спецназовцев проходила на операциях. На базе они находились гораздо меньше, чем в горах. В этот промежуток времени все старались выспаться, отдохнуть и подготовиться к очередному выходу.

Самый большой процент неуставных отношений в 40-й армии приходился на тыловые части, которые постоянно сидели в пунктах дислокации или выходили с них на небольшие промежутки времени. В группах спецназа дело дальше "разборок" по конкретным вопросам не шло. Чрезвычайно редко происходили столкновения на национальной, религиозной почве или из-за личных антипатий. Разница в различных сроках службы, которая определяет отношения между солдатами повсюду в вооруженных силах, также не играла особой роли в подразделениях спецназа.

Жестокие нравы во многом зависели от социального состава военнослужащих спецназа. На основании анкетирования можно сделать вывод, что до 85-90% рядовых и сержантов были выходцами из рабочих и крестьянских семей. Многие воспитывались в распавшихся и неблагополучных семьях. Откуда тут взяться хорошему тону! При отборе в части спецназначения требовались хорошее физическое развитие, выносливость, быстрая реакция и в последнюю очередь аттестат о среднем образовании.

спецназе, каждый из них был в полной уверенности, что если он будет ранен, его вынесут из-под огня в любом случае.

Среди военнослужащих срочной службы, особенно среди выходцев из республик Средней Азии, существовала наркомания. Она не была так сильно развита, как в большинстве других частей "ограниченного контингента", где в отдельных ротах и батареях курили чарс до 90% рядовых солдат. В спецназе наркомания в таких масштабах была невозможна, так как в маленьких по количеству людей группах командир мог сразу заметить наркомана и избавиться от него. Кроме того, большие физические нагрузки на операциях являлись лучшим средством естественного отбора. Здоровые оставались, наркоманов сплавляли в пехоту. В основном курили чарс - самый распространенный афганский наркотик. Он был недорог, прост в обращении, и достать его не представлялось сложным делом. Зачастую афганцы бесплатно отдавали его советским военнослужащим. При этом расходы афганцев, будь то торговец в дуكانе или мальчишка из соседнего кишлака, оплачивались моджахедами. Солдаты предпочитали курить чарс еще и потому, что водка стоила дорого, да и алкогольное опьянение сильнее бросалось в глаза, нежели наркотическое.

Иные офицеры избирали довольно жестокую форму борьбы с заядлыми курильщиками чарса - тушили отобранные сигареты с наркотиками о запястье руки наркомана...

Отвечая на вопрос о досуге, большинство опрошенных признались, что они, будучи на базах, отсыпались при любой возможности. Выбор форм времяпрепровождения разнообразием не отличался: книга, телевизор с одной программой и спортгородок - все развлечения. Если в батальон привозили художественный фильм, то его крутили по несколько раз, чтобы все группы смогли посмотреть картину. Обычно это была "запиленная" копия старого фильма, склеенная по сто раз. Посещение базы артистами из Союза превращалось в грандиозное торжество, сравниться с которым могли лишь спортивные праздники, которые время от времени проводились в батальонах.

Спорту уделялось постоянное внимание. Особой любовью пользовались восточные единоборства и тяжелая атлетика. В спортгородках не только во время утренней зарядки, но и в свободное время можно было увидеть спецназовцев, "работавших" с нунчаками и ножами. Многие усиленно накачивали мускулы, поднимая гири и танковые траки. Обладание мощными бицепсами являлось признаком хорошего тона в среде спецназовцев.

Питание на базах вызывало неоднозначную оценку. Только на операциях "рейнджеры" могли давиться не только сухим пайком, в состав которого входили консервы вполне приличного качества, но и полакомиться свежей бараниной или фруктами. "Революция все спишет", - говорили они, снимая шкуру с овцы, попавшей им в руки. На самой базе рацион был весьма бедным. Макароны, каша, жиры, которые во время жары просто не лезли в глотку, были неизменными компонентами питания. Качество и разнообразие продовольствия становились хуже и беднее по мере времени, прошедшего со дня прибытия на базу транспортной колонны. Перед приходом следующей колонны иногда приходилось, как говорится в русской пословице, зубы класть на полку. И солдаты, и офицеры однозначно не были удовлетворены тем, как было организовано их снабжение. Особенно плохим было питание солдат. Именно поэтому на операции они при первом же удобном случае очищали сады

накормит свежим мясом и помидорами.

Главным удовольствием на базе считался поход в баню, хотя внешне банные постройки имели самый непритязательный вид. Чаще всего это были землянки, состоящие из нескольких помещений с небольшими подслеповатыми оконцами. Ненамного выгоднее смотрелись и другие постройки базы. Десяток модулей, деревянные будки туалетов и раковин, несколько сборных железных конструкций под складские нужды, автопарк и вертолетная площадка - все за двойным рядом колючей проволоки. Картину завершали минные поля, со всех сторон окружавшие базу, и невысокий земляной ров с позициями для стрелков по всему периметру ее территории.

Несмотря на спартанские условия жизни, спецназовцы быстро привыкли к своему "дому" и, возвращаясь с боевых действий, неизменно громко кричали "ура", когда их бронемшины въезжали на КПП базы. Они проезжали мимо самодельных обелисков и памятных знаков в честь погибших сослуживцев. Их строили прочно, ведь никто не знал, как долго продлится эта война, как долго им предстоит еще нести службу в Афганистане.

На базах успело смениться по 2-3 состава батальонов спецназа, и новые люди приходили на обжитые места. База воспринималась ими как кусочек родной территории во враждебном окружении. Ведь база была единственным местом, где они могли не думать об опасности, расслабиться, отложить в сторону оружие. На базах их ждали друзья и письма из дома. Жизнь на базе спецназа не отнесешь к приятному времяпрепровождению, но многие бывшие спецназовцы с ностальгией вспоминают свою службу в Афганистане, уносясь мысленно в былые времена...

"Шланг" - бездельник (арм. жарг.)

"Желтушник" - больной гепатитом.

ППД - пункт постоянной дислокации.

"Царандоевец" - сотрудник афганской правительственной милиции.

"Зеленые" - кодовое обозначение афганских войск при радиопереговорах.

Послесловие

Опыт боевых действий в Афганистане убедительно показал, что в советских вооруженных силах накануне вторжения в эту страну не существовало подразделений, предназначенных исключительно для ведения антипартизанской войны. Это лишний раз доказывает, что при планировании операции по вводу войск Генштабом был сделан довольно поверхностный прогноз дальнейшего развития событий в Афганистане. По всей видимости, вооруженная оппозиция в лице моджахедов не воспринималась в качестве серьезного противника. По воспоминаниям военного советника Катинаса, маршал Сергей Соколов накануне свержения Амина так охарактеризовал моджахедов: "Что могут сделать эти мужики в широких штанах против такой силы?" Подобное мнение было весьма распространено среди высшего руководства советских вооруженных сил.

Только столкнувшись с мощью "джихада", советское командование кардинально изменило свою первоначальную точку зрения. Роль по выполнению функций специальных антипартизанских подразделений была возложена на спецназ, который имел совершенно иное предназначение. Парадокс ситуации

написанные на основе лекционных материалов и воспоминаний таких признанных мастеров партизанской войны, как Вершигора, Медведев и Федоров, прославившихся во время второй мировой войны.

Спецназу на себе в определенной мере пришлось испытать богатый опыт отечественных партизан - переработанный и приспособленный к азиатским условиям.

Части спецназначения довольно быстро превратились в эффективную силу, которая противостояла моджахедам. Однако и спецназовцам, за спинами которых была целая армия, усиленная большим количеством авиации, не удалось нанести решительного поражения исламским партизанам. В Афганистане повторилась ситуация, в которую попадали в различное время наполеоновские войска в Испании, немецкие в России и Югославии и американские во Вьетнаме. Подавить партизанское движение, имеющее широкое Признание и поддержку среди местного населения, практически невозможно. Операции, проведенные спецназом против моджахедов, достойны изучения в стенах военных академий. Однако следует помнить и главный урок афганской кампании: С НАРОДОМ ВОЕВАТЬ НЕЛЬЗЯ. К сожалению, урок этот стоил армии немалых жертв.

В советском обществе того времени, когда шла война в Афганистане, за редчайшим исключением никто открыто не выступал против этой явно несправедливой войны. Теперь все точки над *Г* расставлены.

...Роль Советского Союза оценивается однозначно негативно. Более того, в последние годы наряду с высшим военно-политическим руководством во всех мыслимых грехах обвиняются и рядовые участники этой войны, На самом же деле их главная вина заключается в том, что именно они, а не другие, были направлены служить в Афганистан. Наше нынешнее общественное мнение не является исключением из правил. Америка тоже прошла путь от премиривания тех, кто воевал во Вьетнаме, до возведения мемориальной стены со скорбным списком в более чем 58 тысяч фамилий американцев, погибших во вьетнамской войне. Наши соотечественники, отдавшие жизнь на земле Афганистана, честно выполняли свой воинский долг и остались верными присяге.

Да, война была несправедливой для советской стороны, но эти молодые в большинстве своем парни в военной форме защищали на ней те идеалы, которые исповедовало наше общество в то время. Они сами в первую очередь стали жертвами политики, проводимой тогдашним правительством СССР. Остается надеяться, что их смерть послужит предостережением и для политиков, и для общества. Именно поэтому мы обязаны помнить об этих людях и чтить их память.